

Игорь Вереснев

ХОЗЯЙКИ ТУМАНА

skOmm.ru
СНЕЖНЫЙ КОМ

Последняя история вида Homo Sapiens

Снежный Ком: Вакцир

Игорь Вереснев

Хозяйки тумана

«Снежный Ком»

2020

Вереснев И.

Хозяйки тумана / И. Вереснев — «Снежный Ком»,
2020 — (Снежный Ком: Backup)

Крису Красавчику довелось родиться в жестоком мире. Здесь каждый должен следовать Правилам, чтобы не оказаться добычей лесных и болотных тварей. Но если ты выжил – рано или поздно на твоём пути встанет хозяйка тумана. Ната Гилл живёт в мире, где люди исследовали тысячи звёздных систем, колонизировали сотни планет. Лишь счастья и справедливости катастрофически не хватает. Исправить это можно разве что изменив самого человека. В мире Алины люди не разумные существа, а строительный материал для истинных хозяев. Каждый твой поступок предопределён – в обмен на гарантированное счастье и бессмертие. Это история, растянувшаяся на тысячу лет. Последняя история биологического вида *Homo sapiens*.

Содержание

Часть I. Легенда	5
Глава 1. Крис	5
Глава 2. Праздник	18
Глава 3. Взрослая жизнь	28
Глава 4. Скины	38
Глава 5. Странник	46
Глава 6. Хока	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Игорь Вереснев

Хозяйки тумана

Часть I. Легенда

Глава 1. Крис

Заросли лапника обрывались неглубоким оврагом. Крис остановился, прислушался, перебирая звуки окружающего леса. Он слышал, как журчит вода в ручье, как позади крадётся Марик, как поскрипывают, трутся друг о друга ветви чернолиств. Но ворчуна поблизости не было. Как же так? Не могли они упустить добычу, другого пути для зверя нет. Сквозь злобник и крапчатку на дне оврага ворчун не пойдёт – матёрый, умный. Понимает, что не пробиться сквозь живую преграду, утыканную шипами в палец длиной и ядовитыми жалами. Выше по ручью, наоборот, места открытые, там Орест и Тэд его перехватили бы. Один путь ворчуну остался – сюда, в лапник, который кажется надёжным укрытием, но на самом деле предательским хрустом выдаст любое движение. Зверь должен быть где-то здесь. А на то он и ворчун, чтобы не сидеть молча.

Крис понял, что придётся заново прочесать заросли. Развернулся, пошёл вдоль кромки оврага, настороженно вглядываясь в просветы. Ворчун – животное трусливое, но если загнать его в угол... А веса ему достанет, чтобы с ног сбить. И когти на передних лапах немаленькие – раздерёт брюхо, пикнуть не успеешь.

Он занёс ногу для следующего шага, да так и застыл. Под грудой искрошенных стеблей лежала туша ворчуна. Длинный розовый язык вывалился наружу, глаза вылезли из орбит, из широких чёрных ноздрей скатывались капли крови. Спина Криса мгновенно покрылась испариной. Не нужно охотником быть, чтобы понять – ленточник рядом! Большой ленточник. Нет, огромный, раз сумел придушить матёрого зверя. Такому с человеком справиться – раз плюнуть.

Парень осторожно вынул нож из чехла на поясе. Лук подойдёт на открытом месте, а здесь и прицелиться не успеешь. Ленточник ползёт бесшумно и прятаться умеет так, что до самого броска не заметишь. Вся надежда на нож и собственную проворность – успеть ударить, перерубить гибкое тело раньше, чем ядовитая слизь заставит мускулы онеметь.

На проворность Крис не жаловался, и нож у него был отличный: длинное голубоватое лезвие с едва различимым узором. Настоящая сталь, почти не требующая заточки, вещь Древних, не какая-нибудь поделка Тома Кузнеца из Глиняной Долины. Этот нож ему достался от отца, тому – от его отца. И служил всем в их роду исправно.

Крис удобнее перехватил нож, вновь осмотрелся. Тихо, спокойно, будто и нет никого поблизости. Стоять и ждать бесполезно – у ленточника терпения наверняка больше. Он собирался шагнуть в заросли, к мёртвой ворчуньей туше, когда сзади донёсся приглушённый голос Марика: «Крис, ты где? Нашёл его?» Парень невольно повёл головой в ту сторону, и тотчас длинная зелёная лента метнулась сверху. Он прыгнул в сторону, не разбирая куда, рубанул ножом. Бил наугад, но ещё до падения понял – попал! Стебель лапника больно хлестнул по плечу, рванул ухо, огнём полыхнула щека. Вдобавок чуть глаз не вышибло. Но сейчас это было мелочью. Крис вскочил, оглянулся...

Да, попал он хорошо, даже самому не верилось в такую удачу. Перерубил ленточника пополам у самого основания плоской мерзкой головки. Фасеточные глаза твари уже затягива-

лись плёнкой, но вторая часть – хвост в полтора человеческих роста – ещё дёргалась в агонии, выплёскивала капельки бесцветной крови.

Из кустов высунулось раскрасневшееся, курносое и щекастое лицо Марика.

– Готов? – спросил. Тут же скривился от испуга и отвращения. – Ёш ты в пень, эта дрянь тут откуда?! Это ты его?

– А ты думал ворчун?

Крис, всё ещё нервно сопящий, аккуратно вытер нож о листву. Кровь у твари тоже ядовитая. Марик только теперь заметил тушу, засыпанную крошевом стеблей.

– Вот это да! Как ты их обоих положить сумел?

– Не, ворчуна ленточник задавил. А потом на меня кинулся.

Напарник наконец-то решился убрать лук.

– Сильно досталось? Ты в крови весь.

– Ерунда, поцарапался, когда падал. Чего стоишь? Забираем ворчуна, и пошли отсюда.

Орест с Тэдом их ждали. Должно быть, тоже слышали шум и возню в зарослях – луки опустили, лишь когда разглядели тянущих тушу парней. Марик затараторил издали, не давая времени на расспросы. Крис улыбнулся невольно – в пересказе сводного брата его поединок с ленточником выглядел куда живописней, чем на самом деле. В глазах Тэда появились восхищение и немного зависти. А Орест недоверчиво переспросил:

– Так уж и полтора роста? Может, полтора локтя?

– Не веришь? – Марик выпучил глаза. – Сходи сам посмотри. Если не трусишь.

Орест презрительно смерил его взглядом. Каждый житель леса знает, что взрослый ленточник охотится в одиночку, и любая другая тварь держится от его логова подальше. Так что пока заросли лапника были вполне безопасны. Проверять он пошёл. Кто бы сомневался! Крис досадливо сплюнул вслед – их неприязнь была обоюдной. Но Орест старше на пять лет, взрослый мужчина, охотник. Приходилось терпеть.

Тем временем Марик надёргал листиков любника и кровостопа, сунул в рот, принялся усердно разжёвывать, кривясь от отвращения. Вкус у широких, с ладонь, листьев кровостопа был горький до невозможности. Но название своё растение оправдывало.

– Садись, лечить тебя буду, – приказал. Выплюнул в ладонь густую зелёную массу.

– Да само заживёт... – Крис боязливо потрогал щеку.

– Само... посмотрел бы на себя со стороны! Весь в кровищи. Мама говорит: чем быстрее рану замажешь, тем лучше. Не ровен час, лихорадка привяжется.

Мнение мамы Энн, поселковой Докторши, было непререкаемо, так что Крис покорно присел, подставляя ухо и щеку для экзекуции.

Вернулся Орест, хмуро прикрикнул на Тэда: «Приглашения ждёшь? Кто ворчуна свежевать будет? Охотники, сучок вам в задницу!» Видно было, что он раздосадован. Надо же такому случиться – мальчишка-ученик ленточника положил. Никто и не знал, что тварь так близко к посёлку подобралась. В эти места женщины забредают за орехами, грибами, кислицами. Запросто кого-нибудь подловить мог.

Крис торжествовал молча – Оресту в очередной раз нос утёрли. Но Марик молчать не собирался.

– Что, убедился? Небось сам таких и не видел?

– Подумаешь, ленточника среди бела дня зарубил. Заслуга! – процедил сквозь зубы Орест. Такая оценка была обидной и несправедливой. Это понимали все – Крис, Марик, Тэд. И Орест понимал, конечно. Потому уточнил, чтобы окончательно поставить мальчишку на место: – Летом, при солнце охотиться – доблести особой не нужно. Главное, гляди в оба, да не зевай. Вот когда туман приходит с озёр – другой разговор!

– Когда туман, все дома сидят, – попробовал возразить Марик.

– А если он тебя в лесу застанет, на ночёвке? А зимой? Декадами солнца нет. Так и будешь в доме сидеть, лапу сосать? Закончились для вас медовки, мелюзга. Взрослая жизнь – это не только бабам ноги раздвигать.

Орест обернулся, обвёл взглядом опустивших головы парней. Довольный, что последнее слово осталось за ним, шагнул к Крису, присел, отодвигая Марика, оглядел раны.

– Неплохо. Докторша хоть чему-то полезному тебя выучила, Толстяк. И что ленточника зарубили, молодцы. Может, и получатся из вас толковые охотники. Главное, нос не задирайте. Настоящая проверка начнётся, когда туманы придут. Когда самые опасные твари на охоту выйдут – пузыри да шлейфокрылы. По посёлку и то жутковато бегать, когда в двух шагах ничего не видать, а, сопляки? Отлить, небось, на горшок ходите? А в лесу каково, знаете?

Парни не спорили, охотник говорил вещи известные. Не было зимы на их памяти, чтобы пузыри не пытались пробраться в посёлок. Невзрачная, похожая на пустой мешок буро-зелёная тварь размером с годовалого ребёнка плевала ядом шагов на восемь-десять. Затем выворачивалась наизнанку, заглатывала обездвиженную жертву и волокла к себе в болото, чтобы там неспешно переваривать. На взрослого охотника силёнок у пузыря не хватало, но ребёнка, да и девушку, какая росточком поменьше, слопать он мог запросто. Так в одну из зим охотники принесли с болот восьмилетнюю сестрёнку Криси, живую, но оставшуюся, считай, без кожи.

Ещё опасней были шлейфокрылы. Эти летучие твари охотились стаями. Выныривали из тумана, падали сверху бесшумными тенями, рвали жертву на части острыми, как лезвие ножа, когтями, уносили добычу в своё логово. Оресту удалось выжить в прошлую зиму – другие охотники были рядом, успели разогнать тварей, а его жене нет. Так что теперь не только вытекший глаз да шрамы напоминали ему о встрече с хищниками, но и холодный пустой дом. Взрослому мужчине остаться без жены совсем плохо.

Солнце последний раз дотянулось лучом до опушки леса и спряталось за густыми кронами чернолиств. Сразу сделалось неуютно, тревожно. Крис поёжился. Представил вдруг, что из оврага, скрытого за стеной лапника, потянулись вязкие белые пряди. Знал, что до зимы далеко, почти два месяца. Что туман сначала будет появляться под утро, и то вблизи ручья и на болотах. Но всё равно, жутко было думать о нём. Не из-за ленточников, пузырей и крылов. Эти твари – из плоти и крови. Лесные охотники, как и люди.

– Да ладно, не пугай. – Кажется, не у одного Криси разыгралось воображение. Хоть Марик и старался придать голосу беспечность, получалось у него не очень убедительно. – Не трусливее тебя будем. Понадобится, и на хоку пойдём.

Крис вздрогнул невольно. И Орест передёрнул плечами. Удивлённо посмотрел на Толстяка.

– На хоку? Ты хоть сам понял, что сказал? Охотник нашёлся, бородавку тебе во всю задницу! На хоку он пойдёт!

– А что? – не сдавался Марик. – Хоки ведь боятся стрел? И попасть в них нетрудно, не то, что в крыла. Если первым увидел, конечно.

– «Если первым увидел...» – передразнил Орест. – Это тебе Берг наплёл? После того, как мы позапрошлой зимой на ту парочку у заводи наткнулись? Так они там играли, дурень! И нас целая гурьба шла. Вот если она сама за тобой придёт...

Он сплюнул раздражённо. Порылся в кисете, достал сушёный корешок любника, сунул в рот. Буркнул:

– Одна и радость, что они стрел боятся.

– А если лука с собой нет? – подал голос Молчун Тэд.

– Какой дурень в лес без лука сунется?

– Так они и по посёлку шастают. Прошлой зимой тётку Фриду в трёх шагах от дома хока высосала.

– Ага, и папашу моего в посёлке слопали. И Крису мамку, – поддержал друга Марик.

– Тогда... – Орест задумался, сосредоточенно двигая челюстями. – Тогда драпать надо. Может и повезёт, если жильё близко и тебя туда впустить успеют.

Он недовольно взглянул на почти ободранную тушу ворчуна, прикрикнул на Тэда:

– Ты чего возишься? Толстяк, помоги, а то до ночи здесь сидеть будем.

Видно было, что разговор ему неприятен, что боится он хок так же как все, просто не хочет признаться. От этого Крис неожиданно успокоился. Что тебе написано на роду, то и станется. Он покосился на старшего, спросил:

– Орест, ты ведь хок вблизи видел, как нас сейчас?

– Ну... шагов десять там было, и туман.

– А правда, что они на людей похожи?

– Чиво?

– Берт говорил, хоки – точно, как люди. Руки, ноги, глаза. Только не разобрать, где мужик, а где баба...

– У Берта задница вместо башки! «Мужик, баба...» И мысли такие из головы выкинь, если долго жить хочешь. Хока, она хока и есть! От этих тварей одно спасенье: заметил – стреляй!

Посёлок получил название от большого холма, поднимавшегося над лесом. Когда-то, до того, как люди обосновались на его склонах, холм в самом деле был зелёным – от подножья, до плоской вершины, где среди каменных россыпей торчала покорёженная ветрами одинокая кислица. Дерево было старое-престарое, помнившее времена, когда людей здесь и близко не было. И многие поколения мальчишек считали своим долгом забраться на его макушку, да и девчонки, какие посмелее, от них не отставали. С верхней развилки дерева картина открывалась захватывающая. Под ногами – небольшая площадка, постепенно переходящая на западе и севере в пологий склон. Там начинался посёлок – три десятка деревянных домиков. Побольше и поменьше, какие-то новые, сложенные на памяти Криса, другие – старше, потемневшие от времени. Были и совсем ветхие, ждущие, когда их разберут на дрова.

В Зелёном Холме обитало без малого две сотни человек. Тридцать восемь женщин, двадцать пять мужчин, десять девушек, двенадцать парней, да ещё детвора, живущая с настоящими или приёмными родителями. Девушками и парнями считались те, кто переселился в общие дома – учиться самостоятельной жизни. Дом Сестёр стоял в середине посёлка, рядом с Ратушей, Дом Братьев – на окраине, в самом низу. Сразу за ним виднелись квадратики огородов. В это время года огороды пустовали – разве что нерасторопные хозяйки не закончили копать второй урожай репчатки. У подножья холма в невысоких кустах камышника пробивался из-под земли родничок, заполнял водой аккуратную круглую криницу, а затем убежал звонким проворным ручейком. Огороды тянулись и дальше, до опушки леса, туда, где за неширокой полосой кислиц и орешника поднимались тёмные кроны чернолистов.

С юга и востока площадка обрывалась тремя каменными уступами к излучине Каменца, речки-не речки, скорее полноводного ручья, выныривающего из чащи и вновь убегающего в неё. Над самой нижней террасой в скале скрывалась невидимая с верхней площадки пещерка. Они любили забираться туда вчетвером: Крис, Марик, Тэд и Джула – родная сестра Марика и сводная Криса. Джула хоть и была девушкой, но по деревьям лазила не хуже рыжка. И внешне смахивала на этого лесного зверя, такая же проворная и огненно-рыжая. Не только по деревьям лазить – она ни в чём не хотела уступать приятелям, даже из лука стрелять научилась. Конечно, послать стрелу по-мужски далеко силёнок у неё не хватало, но вблизи била почти так же метко, как Крис. И уж куда лучше Марика.

Чернолиственный лес обступал посёлок со всех сторон, уходя на юге, западе, севере до самого горизонта. Лишь на востоке, где-то далеко-далеко, во многих днях пути, голубели вершины гор. А если смотреть прямо в ту сторону, но на вершины голову не задирать, то сквозь

кроны деревьев можно различить жмущуюся к берегу Каменца хижину. Хижина считалась частью посёлка, хоть и стояла на отшибе. Там жил человек, ни имени, ни родичей которого не знал никто. Когда-то давно – Крис те времена помнил смутно – незнакомец пришёл с западных непролазных болот, выбрал место, заплатил мужчинам за постройку дома, да так здесь и поселился. В Зелёном Холме пришельца недолюбливали и побаивались. Но уважали. Потому как равного ему в охоте не было ни здесь, ни в Сквозняках, ни в Орешниках, ни в Каменобродье. Наверное, и до самой Реки никто не умел обходиться с луком и ножом так, как он. За это умение его и прозвали – Охотник.

С мужчинами из посёлка Охотник не водился, Правил, по которым жил лесной народ, признавать не хотел. Ни огорода у него не было, ни семьёй настоящей, с детьми, озаботиться не удосужился. Каждую весну, возвращаясь из путешествия по Лесному краю, приводил он в свою хижину новую девушку, а спустя год выпроваживал наскучившую жену, часто на сносях, нимало не заботясь о судьбе потомства. Иногда женщины отправлялись в родные посёлки, чаще оседали в Зелёном Холме. А дважды – исчезали. Куда они сгинули, никто не расспрашивал – мало ли какая беда с человеком может приключиться. Охотник и за жён, и за особенность свою платил щедро: шкурами ворчунов, прозрачной плёнкой из вычищенных пузырей, крепкими, не рвущимися верёвками, нарезанными из перепонки шлейфокрыла. И шкурами. Никто кроме него не умел охотиться на хок. По-настоящему охотиться, а не отпугивать, заставляя превращаться снова в туман, из какого те появлялись.

Зелёный Холм лежал на границе заселённого людьми края. Дальше на север человеческого жилья не было. А с востока на юго-запад бежала через посёлок тропа. По ней приходили ближние и дальние соседи, торговцы-меняльщики, другие путники. Приносили свежие байки, рыбу с Реки и озёр, стальные ножи, чёрный камень, из которого выплавляли крепкие, не тупящиеся и не крошащиеся наконечники стрел, диковинные вещицы, добытые таинственным Странником в Городе Древних. И ещё – аромат большого, бескрайнего мира.

Впрочем, последнее замечал только Крис. И Тэд, и Марик, и даже Джула смотрели удивлённо, когда он упоминал об этом. Но отправиться по тропе, уходящей на юго-запад, друзья мечтали не меньше. Каждую осень где-то далеко у Длинного Озера собирались парни и девушки лесного и речного народов. Знакомились, веселились, жгли костры, плясали, пили терпкий хмельной жус, сброженный из ягод стеклянки. Выбирали себе пару. Там начиналась Взрослая Жизнь. Девушки обычно уходили из дому навсегда, вместо них ребята приводили своих избранниц.

Летом Крису, Марику и Тэду исполнилось пятнадцать, Джуле – тринадцать. Заканчивался месяц лютайр, и вместе с ним – последняя осень их детства. Они по пальцам считали дни, что остались до Праздника и первого в жизни большого путешествия.

– Крис, иди скорее сюда, пока Толстяк всё не слопал!

– Эй, кто обещал не обзывать? Вот стряхну тебя вместе с кислицами, будешь знать!

Марик впрямь слегка тряхнул ствол деревца и, задрвав голову, смотрел, как подействовала угроза на сестру. Увидел Крису, подмигнул, поманил рукой.

– Ты глянь, чего видно! Прямо жалею, что это моя сестрёнка.

Джула забралась на самую верхушку. Достать висят на кончиках тонких ветвей жёлтые, налитые соком плоды казалось невозможным. Но она придумала способ – обхватила руками ствол, упёрлась ногами в ветви и принялась что было силы их раскачивать. Это действовало – кислицы сыпались вниз. Но и коротенькая юбочка из шкуры ворчуна сбилась к талии, открывая стоящим внизу парням мускулистые ножки до самого основания.

Сообразив, что братец притих неспроста, Джула посмотрела вниз, спросила настороженно:

– Чего вы там разглядываете?

– Проверяем, ты и снизу на рыжка похожа?

– Проверяете?! Ну ладно...

«Бамм!» Твёрдый увесистый плод отскочил от макушки Марика, задел отпрыгнувшего в сторону Криса.

– Ты чего!? – Толстяк попятился, схватился за голову. – Шишка же будет!

– А ты не глазей, куда не просят! Собирай, что я натрусила. Будешь потом ныть в дороге, что еды мало.

– Сама первая начала! Договаривались не обзывать.

Марик не любил своё прозвище, но раз уж прилипло – ничего не поделаешь. Прозвища в посёлке были у всех, кроме малышни. У одних обидные, у других обыкновенные, кому как повезёт прославиться. Тогда звали Молчуном, Берта – Безголовым, Ореста – Кривым, тётушку Энн – Докторшей, Джулу – Рыжком, а как иначе? Криса называли Красавчиком. Раньше он злился, но сейчас привык. Всё из-за копны золотистых вьющихся волос, голубых будто летнее небо глаз и ямочек на щеках, совсем как у девчонки. Но он же не виноват, что таким уродился? Красавчик, стало быть, Красавчик. Мужчины произносили это слово с нарочитой издёвкой и скрытой завистью, девушки, кроме Джулы, – ехидно, а женщины... Этим летом женщины начали посматривать на него так, что Крис спешил отвернуться, уйти подальше. Чтобы не слышать. Нет, вслух они ничего не говорили, но он почему-то слышал не слетевшие с губ слова, такие... такие взрослые. Он не решался повторить их.

Зато Марик любил поболтать о взрослой жизни, о женщинах, и когда друзья сбегали в пещерку, принимался со вкусом описывать свои фантазии. Сочинять он был горазд. От этих рассказов Тэд обычно краснел и подтягивал коленки к подбородку. Джула хихикала, то и дело облизывая губы, и было заметно, как под лифом у неё выпирают две маленькие твёрдые грудки. И у Криса начинало перехватывать дыхание, а глаза сами собой возвращались к этим бугоркам.

Грудки у Джулы были упругие, похожие на две торчащие в стороны репчатки с розовыми носиками. Однажды, в самом начале лета, наслушавшись рассказов Толстяка, она шепнула Крису на ухо: «А хочешь потрогать?» Они тогда сбежали от приятелей, забрались подальше за реку, где на полянах росла высокая мягкая трава-малька. Понятно, любились они «по-детскому». Женщиной девушки становились во время Праздника, это было Правилем. Но даже так оказалось до того здорово, что Крис и представить боялся, какое же это удовольствие будет «по-взрослому»!

После, когда насытившиеся и усталые они лежали в спутанной, измятой мальке, Джула предложила:

– Крис, а давай я буду твоей женой.

Он не понял сперва, переспросил удивлённо:

– А как же Праздник? Ты не хочешь идти на Длинное Озеро?

– Конечно хочу. Но кто нам мешает выбрать друг друга? Правила не запрещают приводить девушку из собственного посёлка. Мы же с тобой не кровные родичи.

Восторг пьянящим ливнем захлестнул Криса. Правила не запрещают, они с Рыжком будут вместе! Всегда!

Джула спрыгнула на траву, с сомнением заглянула в мешок.

– Не маловато?

– Маловато?! – возмутился Марик. – А тащить его кто будет? Или ты одни кислицы весь Праздник жевать собралась?

– Ладно, ладно! Хватит, значит хватит. Всё равно солнце уже садится, а нужно ещё к маме зайти. Лекарства возьмём, жус, и вообще...

Матушке Энн исполнилось тридцать два года. Она была самой старшей женщиной в посёлке и самой многодетной: шестеро собственных детей и трое приёмных. Крису было пять,

Лиз – шесть, а Тине – два годика, когда не стало их родной мамы. То был самый тяжёлый год в их жизни. Но к осени отец перебрался к овдовевшей Докторше, и у Криса сразу добавилось три рыжих, как огонь, сестрички и два братика. А через год родился ещё один. Мама Энн сумела вырастить всех девятерых. Даже Тину, проглоченную пузырём, выходила, хоть весь посёлок считал ту обречённой. А девочка и выжила, и выросла вполне здоровенькой, только уродливой из-за шершавых багровых пятен по всей коже, замкнутой и язвительной не в меру. Когда три года назад не вернулся с охоты отец, мама Энн нового мужа приводить в дом не захотела, рассудив, что уже старовата. И теперь, когда старшие дочери, повзрослев, ушли из посёлка, а средние дети начали жить отдельно, с ней остался один младшенький, Рикки.

Дом Докторши стоял в верхней части посёлка. В детстве он казался Крису просторным, высоким, с необыкновенно чистыми и светлыми комнатами. Пахло внутри удивительно вкусно: любником, семицветом, сушёными грибами, размолотыми семенами трещотки и поджаренными орешками. И ещё чем-то, названия для чего не существовало, но отчего этот дом делался родным. Сейчас-то он видел, что дом ничем не отличается от прочих в посёлке. Но аромат – да, аромат был неповторимым. Крис не удержался и втянул полную грудь воздуха, едва переступил порог. Кольнуло в сердце раскаяние – скоро месяц, как они с Мариком последний раз сюда заглядывали.

– Доброго вечера, ма! – Джула с разбегу повисла на шее Докторши, чмокнула в щеку.

– Здравствуй, доченька. А, и бродяг с собой привела. – Энн насмешливо улыбнулась, разглядывая сыновей. – Проходите, проходите!

– Да мы так, по делу... – Марик застрял у дверей, елозя пальцем ноги по полу.

– Спасибо, хоть по делу зашли. Нечего мне там полы ковырять, к печке ступайте. Я как раз сегодня затопила, мы с Рикки орешки жарим. И ещё кое-что вкусное для вас найдётся.

Она оглянулась на младшего, с усердным видом нанизывающего грибы на длинную бечёвку, распорядилась:

– Сына, неси, что мы с тобой вчера приготовили.

Крис опустился на плетённую из мальки подстилку у очага. Кажется, за последние три года здесь ничего не изменилось, просто отвык от родного дома. Язычки пламени, потрескивая, прыгали по сухим щепкам мелко нарубленного чернолиста. Когда-то они, ещё малышня, сидели долгими зимними вечерами, сбившись в тесную кучу, слушали бесконечные мамини истории о Сотворении Мира, о Войне Стихий и великом воине Вике-Освободителе. А за мутным окошком таинственно и зловеще клубился туман.

– Двигайся. – Марик опустился рядом.

Джула по-хозяйски рылась на полочках, уточняла то и дело:

– Ма, я любника возьму побольше. А то мало ли, для чего понадобится. И где у тебя кровостоп? А, нашла...

– Я там листьев гульчика приготовила...

– Да у меня есть! Что, маленькая, не понимаю?

– Хорошо, хорошо! Ты, главное, не забывай, как я учила.

– Ма, а ты напомни ей. И мы с Крисом послушаем, – хихикнув, предложил Марик. Гульчик помогал девушкам не затяжелеть преждевременно.

– Толстяк, щас в нос получишь! – Джула оглянулась, пригрозила кулачком.

– Ма, скажи, чтобы не обзывалась!

– Ага, и меня дразнит! – поддакнул Рикки, вытащивший из кладовки пузатый глиняный горшок.

Марик мигом забыл об обидном прозвище, подался к младшему брату.

– Что у тебя там, малой? Ма, ты медовок наготовила?!

Вываривать терпкие плоды кислицы в соке камышника умели все женщины посёлка, но мама Энн и в этом знала особый секрет. У неё лакомство получалось не приторно-сладким и вязким, а словно таяло во рту.

– Надо же вас побаловать напоследок. Вот и вы взрослыми стали. Жён приведёте, мама не нужна будет. А Джулу, наверное, и не увижу больше никогда.

Неожиданно по щеке Докторши пробежала слезинка. Крис, Рик, Джула, даже Марик рас-
теряно замерли.

– Ма, ты что? Ну не плачь! – Джула подошла, обняла её. – Конечно мы с тобой увидимся, обещаю!

– Ладно, ладно, садись, а то мальчишки уже пальцы в горшок суют.

Энн вытерла тыльной стороной руки слёзы, вынула из корзинки свежие гороховые лепёшки, опустила у очага рядом с детьми.

– Ма, ты жус обещала... – как бы мимоходом напомнил Марик, облизывая перемазанные густым сиропом пальцы. Кто-кто, а он и впрямь успел зачерпнуть пару медовок.

– Раз обещала, значит дам.

– А попробовать можно?

– Я тебе попробую! До Длинного Озера доберётесь, там и пробовать будете. – Мама Энн строго поджала губы, приказала: – Крис, флягу тебе отдам. В дороге брата к ней и близко не подпускай!

Лепёшки, как любая вкуснятина, имели обыкновение заканчиваться быстрее, чем их настоящему распробуешь. Марик с сожалением проводил взглядом последнюю, исчезнувшую во рту Рикки, на всякий случай облизнул палец, покосился на сидящих рядом Криса и Джулу. Потом перевёл взгляд на окно. Снаружи начинало темнеть.

– Медовки, ма, у тебя – объедение! Так мы пойдём? – предложил. – Сумки нужно проверить. И спать ложиться пораньше, а то Староста обещал разбудить до рассвета.

– Выспишься! – перебила сестра. – Ма, расскажи какую-нибудь историю.

– Да вы все мои истории знаете. – Энн улыбнулась, обвела взглядом детей.

– Всё равно интересно! О Древних!

Джула посмотрела на Криса. До чего же она сейчас была хороша! Щёки покраснелись от близкого жара, в глазах – отражение огненных искр, розовый язычок быстро облизнул сладкие от сиропа губы. Крис мысленно примерил к девушке непривычное ещё слово – «жена». Пройдёт несколько дней, и Джула станет его женой! Улыбнулся в ответ.

Когда-то в незапамятные времена жили две сестры-Стихии, старшая – Земля и младшая – Вода. В наследство от родителей достался им дом-Мир, и хозяйничали они в нём по своему разумению. Старшая была умелица-рукодельница, младшая ей во всём помогала. Земля сотворила горы и долины, травы и деревья, зверей и рыб. Вода – реки и озёра, чтобы рыбам было, где плавать; ручьи и родники, чтобы поить зверей; тучи и дождь, чтобы поливать деревья и травы. Стал Мир пригожим, а сёстры любовались делом рук своих и радовались.

Шло время, Вода выросла, и начало ей казаться, что несправедливо устроен их дом, что всё в нём придумала Земля. Решила тогда младшая сестра сама сотворить что-нибудь. Но придумать ничего не смогла – ни фантазии, ни дара рукодельницы у неё не было. Один туман без формы, без цвета, без вкуса и запаха получился у Стихии-Воды. Увидела Земля это безобразие, засмеялась. Попросила убрать его, чтобы не портил он красу Мира. И родилась от этого в сердце младшей сестры Обида. Отказалась она выполнить просьбу старшей.

Зато туман понравился самым злобным и отвратительным тварям: ленточникам, пузырям, шлейфокрылам. Начали они прятаться в нём и охотиться на других зверей. Возмутилась Земля такой подлостью, хотела уничтожить их, но отыскать не смогла. И во второй раз попросила тогда Воду убрать туман. А та радовалась, что сестра не может без

неё справиться. И родилось от этого в её сердце Злость-Злорадство. Опять отказалась она выполнить просьбу старшей.

Опечалилась Земля, но ничего не поделаешь – на двоих был завещан дом-Мир. С того дня стали сёстры жить порознь. Чтобы не мешать друг другу, создали времена года, Земля – Лето, а Вода – Зиму. И каждая правила Миром в своё время.

Скучно было Земле одной любоваться творением рук своих. Придумала она людей. Хотелось Земле, чтобы они во всём на неё походили, были такими же выдумщиками и рукодельниками. Научила их строить дома из камня, шить одежды, зажигать огонь, ковать железо. Потому что были они самыми любимыми из детей её. Построили люди Город, стали жить в нём счастливо, любясь Миром и прославляя Землю. Одно не по душе им было – туман. Боялись они его и ненавидели. Начали просить мать-Стихию избавить их от этой напасти.

Очень любила Земля детей своих, угодить им хотела. Отправилась она к сестре, поклонилась и в третий раз попыталась уговорить, чтобы очистила та Мир от белой пакости. Удивилась Вода, что так дороги Земле её дети, и Зависть родилась в её сердце. Снова отказалась она выполнить просьбу старшей сестры.

Ушла Земля ни с чем, а Вода тоже захотела иметь детей, подобных людям. Взяла она туман, добавила в него Обиду, Злость, Зависть и вылепила из всего этого хок. Одному научила мать-Стихия свои создания: высасывать из людей всю влагу, до капельки.

Дождалась Вода, когда придёт её время править Миром, напустила туман на Город. Вышли из него хоки, разрушили дома, убили всех взрослых, а детей увели с собой на далёкие Запретные Озёра, где стоит Стекланный Дворец, и туман не тает даже летом. Стали хоки выращивать детей человеческих, как люди выращивали репчатку и горох – себе на корм.

Увидела Земля, что натворила сестра её, заплакала горько. А Вода только злорадствовала и кричала: «Убирайся вон, старуха! Я молодая и сильная, я теперь сама буду править Миром!» И верно, источились силы Земли, слабее сестры стала она. Но умения не растеряла.

В сухих Восточных Лесах, в пещере, подальше от злых завистливых глаз Воды, вылепила она Великого воина – Вика. Остаток сил вложила в него Земля. Ростом Вик был на три головы выше самого высокого из мужчин, в плечах шире, чем ствол самого старого чернолиста. Сила в его руках была такая, что играючи мог он разорвать шлейфокрыла. А в жилах вместо крови тёк огонь. Потому бессильны против него были хоки и сама Стихия-Вода.

Пришёл Вик к детям, увёл их с Запретных Озёр. Научил охотиться, ловить рыбу, собирать ягоды и грибы, строить хижины, выделывать шкуры и шить одежду. Возмутилась Стихия-Вода, наслала на Вика-Освободителя хок. Но не испугался Вик. Сел на своего железного крыла, взял огненный лук и повёл за собой людей.

Не знала Вода, что из капельки своей огненной крови сделал Вик волшебное зелье – багрец, и роздал его охотникам. Достаточно багрецом облить хоку, как теряет она дарованную Водой власть. Не может улизнуть от стрел, стать туманом – затвердевает, превращается в кожу. Всю свою силу и могущество кожа вынуждена отдавать человеку. Она лечит болезни и заживляет раны, надевший её может не спать, не есть, не пить, не знает усталости, лесные твари для него не опасны, и даже хока не сможет выпить его влагу. Лишь об одном должен он помнить всегда: если носить кожу долго, она прирастёт к тебе, и сам превратишься в хоку.

Вик с охотниками убили много хок, а уцелевшие в страхе бежали на Запретные Озёра. Вновь установилось равновесие Зимы и Лета, Воды и Земли. Но мать-Земля постарела, не было у неё сил учить заново своих детей. Тогда Вик отправился в странствие, чтобы по крупицам собрать растерянные Знания Древних. И когда соберёт их – принесёт людям. Вернут люди своё могущество и заживут спокойно и счастливо, лучше прежнего.

Крис проснулся, открыл глаза. По ту сторону затянутого плёнкой окошка было ещё темно. Но мочевого пузырь давил немилосердно – слишком много воды было выпито вечером после маминых медовок. Осторожно поднялся, переступил через сладко посапывающего Марика, завязал на бёдрах килт, тихо, стараясь не скрипнуть, отворил дверь.

Утро едва намечалось светлой полосой на востоке. Большая Луна ушла, но Малая светила по-осеннему ярко. Вторая половина лютайра давала о себе знать – утром без пончо было зябко. Поёживаясь, Крис забежал за угол, брызнул звонкой струёй. Уф, сразу полегчало! Следовало и Марика разбудить, а то обпудится, выпил же не меньше...

– Доброго утра!

Крис вздрогнул от неожиданности, оглянулся. На порожке соседнего дома сидела женщина, и волосы её поблёскивали в лунном свете. Наверное, из-за этих песочно-жёлтых волос Мила получила прозвище Солнышко.

– Здравствуй, – ответил. – До утра ещё о-го-го как долго! Ты чего в такую рань поднялась?

– Не спится почему-то.

Миле было двадцать, год назад она овдовела. Молодая здоровая женщина долго оставаться без мужа не могла. Весной Мила взялась выхаживать потрепанного шлейфокрылом Ореста, но что-то у них не заладилось – в конце лета тот убрался восвояси. Приятелям объяснял – мол, Солнышко с виду смазлива, но в постели не слишком горяча. Верили ему мало, скорее «не слишком горяч» оказался сам Орест. Как бы там ни было, сейчас Мила жила без мужа, с двумя малолетними сыновьями.

– Не спится? – удивился Крис. – У мамы сонная настойка должна быть, попроси.

– Да не стоит забот! Душно в доме, вот и всё. Хочу к ручью сходить, умыться. Только темно, боязно одной.

– Чего там бояться? Ещё не зима, пузыри из болот не выползли, крылы спят. А ленточников мы за лето извели вокруг посёлка.

– Конечно тебе не страшно, ты же охотник. Взрослый совсем, сегодня на Длинное Озеро идёшь, подружку выбирать.

Обычные слова женщина произнесла так, что Крис смутился. В самом деле, вернётся-то он в посёлок настоящим мужчиной!

– Так что, проводишь вниз? – спросила Мила.

Крис пожал плечами.

– Пошли. Только нож захвачу на всякий случай.

К тропинке они вышли по гребню склона за домами, чтобы не делать круг через посёлок. Мила обошла родничок, перешагнула журчащую в темноте струйку воды и направилась вдоль огородов к лесу.

– Ты куда? – окликнул её Крис.

– Раз уж есть у меня провожатый, пойду к заводи, искупаюсь.

– В темноте? Не боишься?

– Купаться? Так не весна, волосянок нет. И ты же сам сказал, что опасные твари вокруг посёлка не водятся.

– Э-э-э... ладно, пошли.

Камень огибал Зелёный Холм с юга, затем убежал в лес и делал здесь петлю, образуя неглубокую тихую заводь. С середины лета и до поздней осени в ней купались все поселковые. Крис любил порезвиться в тёплой воде с ребятами из общего дома. А иногда они с Мариком, засев в кустах орешника на противоположном берегу, подсматривали за девчонками, обсуждали их прелести. Заметив это, те начинали визжать, не спеша, впрочем, натягивать юбки и лифы. Взрослые отвешивали излишне любопытным подзатыльники, но сильно не ругали. Смотреть на голых девушек Правила не запрещали. Купаться ночью, в одиночку, Крису никогда в голову не приходило. Понимал, что опасности нет, но всё же...

Мила попробовала ногой воду.

– Тёплая.

Сбросила на траву пончо, развязала лиф. Крис быстро отвернулся. Услышал, как женщина засмеялась.

– Как же ты меня охранять собираешься? – спросила. – Выползет что-нибудь из орешника, а ты и не увидишь!

Он повернулся. Юбка уже лежала рядом с остальной одеждой, и Солнышко не спеша заходила в воду. Тело её, подсвеченное луной, белело на тёмной поверхности заводи.

В самом глубоком месте у противоположного обрывистого берега взрослому было почти по грудь. Но Мила туда не пошла. На середине, где вода едва доходила до пояса, присела, с наслаждением раскинула руки.

– Хорошо! Сразу полегчало.

Какое-то время они молчали. Похоже, женщина рассматривала стоящего на берегу Криса. Потом встала во весь рост, пошла обратно.

– Спасибо, что проводил. Люблю, когда никто не мешает.

Чем ближе она подходила, тем яснее Крис мог разглядеть её тело. Груды у Милы были большие, округлые, с тёмными кружочками сосков. Бёдра широкие, круто переходящие в полные длинные ноги. Живот кругленький с ямкой пупка посередине. А ниже... Он потупил глаза.

– А ты испугаться не хочешь?

Солнышко уже была на берегу. Близко, только руку протяни. Тряхнула волосами, обдав Криса фонтаном брызг. Спросила со смехом:

– Ты что, стыдишься меня? Почему? У меня всё то же самое, что у Джулы, разве что размером побольше. На неё ты ведь не боишься смотреть. И даже трогать, «по-детскому».

У Криса перехватило дыхание от изумления.

– Откуда ты знаешь?!

– От Джулы. Да не пугайся – она мне по секрету сказала. Мы же с ней подруги, ты разве не знаешь?

Нет, Крис не знал. Он замечал, что летом Джула часто помогла Миле возиться на огороде. Но сводная сестра об этом никогда не заговаривала, а он не расспрашивал.

Солнышко подошла ещё ближе, положила руки ему на плечи. Её круглые, большие груди были тёплыми и мягкими.

– Крис, послушай, Правила разрешают мужчине брать двух жён. А ты будешь самым смелым, самым ловким, лучшим мужчиной в посёлке. У тебя должно быть две жены. Мы с Джулой обо всём договорились. Во время Праздника ты выберешь её, а когда вернётесь, возьмёшь меня второй женой. Будем жить в моём доме, он совсем новый, прочный, большой. Запасов на зиму мы с Джулой сделали достаточно, мальчики у меня послушные. А после я тебе ещё нарожаю, сколько захочешь. Представляешь, как счастливо жить будем? Я и хозяйка хорошая, всё умею делать. В доме, на огороде. И в постели. Хочешь попробовать? Сейчас?

У Криса голова закружилась от неожиданного предложения. Или от тёплого дыханья Милы, касающегося его щеки, от прикосновений больших влажных грудей, вздрагивающих при каждом движении? Если бы он и сказал «не хочу!», это ничего не меняло. Потому как килт его бесстыдно оттопырился и упёрся в бедро женщины.

Мила расправила ногой лежащее на траве пончо, потянула Криса к себе: «Иди же!»

Их с Джулой детские ласки не шли ни в какое сравнение со «взрослым». Крис потерял счёт времени, забыл, где он и что с ним. Лишь когда Мила замерла, вытянувшись на плотной кудлатой шкуре ворчуна, он поднял голову и огляделся. Должно быть, они долго любились. Малая Луна казалась тусклым пятнышком на синеющем небе, кроны обступавших поляну деревьев выглядели не чёрными – тёмно-зелёными, кусты орешника за ручьём проступали сквозь белёсую дымку.

Крис рывком сел. Затем вскочил, схватил нож.

– Что случилось? – Мила испуганно приподнялась.

– Туман! Туман идёт по реке!

– Откуда?! Ведь рано ещё?

На ходу одеваясь, они побежали к посёлку. Под холмом висело белое облако. Клубясь, окутало кусты камышника вокруг родника, проглотило огороды на склонах, потянулось к нижним домам.

Крис бежал впереди, то и дело оглядываясь, проверяя, не отстала ли Мила. Теперь они сделали круг, стараясь не забираться далеко в туман. И едва самая густота его осталась позади, Солнышко, не разбирая дороги, напрямик по огородам метнулась к дому. Крису не оставалось ничего другого, как рвануть следом.

В посёлке пелена не успела сгуститься. Вслед за женщиной Крис заскочил внутрь дома, захлопнул дверь, набросил щеколду. Только тогда оба перевели дыхание.

– Ма! – позвал детский голос.

Сквозь проём двери в заднюю комнату Крис разглядел малыша, сидящего на лежанке и тянущего к ним руки. Мила шагнула к сыну, бросила в угол зажатое под мышкой пончо.

– Не бойся, мама дома, – Она обеспокоено обвела глазами комнаты. – А где Каспер?

– Каспер пи-пи.

Женщина пошатнулась, как будто её ударили, дёрнулась назад, к двери.

– Ты куда?! – перехватил её Крис.

– Каспер снаружи!

Противный холод пробежал по спине, заставил шевельнуться волосы на затылке. Раньше, чем Мила успела протянуть руку, он сбросил щеколду, чуть приоткрыл дверь. Женщина притиснулась к нему, вглядываясь через плечо в туман. Позвала:

– Каспер! Каспер! Ты где?!

И тут же из-за угла вынырнул мальчик.

– Ма, я здесь!

Подбежал, шмыгнув мимо посторонившегося Крису в дом. Мила сразу схватила его за ухо.

– Ты где шлялся, паршивец? Сколько раз говорила, чтобы ночью в горшок писал! Мал ещё за угол ходить!

– Я возле порога хотел. – Мальчишка захлопал носом. – Вышел, гляжу – вы с Крисом куда-то пошли. Я думал, вы к родничку, побежал за вами, а вы – в лес. Я у родничка ждал-ждал, долго. А потом туман начался.

– Эх ты, странник! – Мила отпустила ухо, потрепала сына по белобрысой головке. – Как же ты в тумане дом нашёл?

– А меня тётя привела до самого угла.

– Какая тётя?

– Чужая, я её не знаю. У неё руки белые-белые. Сама большая, сильная, а как маленькая. Ходит голая, и сисей нету. Даже разговаривать не умеет!

Каспер хихикнул. А Солнышко вздрогнула. Развернула сына за плечи, подтолкнула к двери в заднюю комнату, скомандовала сдавленным голосом: «Бегом спать!» И не в силах дольше сдерживаться, уткнулась лицом в плечо Крису, судорожно зарыдала.

– Мила, ты чего? – растерянно спросил он. – Что случилось?

– Ты не понял? Это же хока была!

Крис остолбенел. Хока?! Кто же ещё – «...руки белые-белые, ходит голая...» Как сам не догадался! Он попытался освободиться, дотянуться к двери, но женщина уцепилась в его плечи.

– Куда?

– Я лук возьму! Хока в посёлке, надо же...

– Не смей! Не пуцу! Не оставляй меня одну, прошу... – и зарыдала в голос.

Крис остановился, осторожно провёл рукой по жёлтым, как песок на берегу заводи, волосам.

– Хорошо, не плачь только. Ничего страшного ведь не случилось. Детей хоки не трогают.

Глава 2. Праздник

Первый в этом сезоне туман держался недолго. Стоило солнцу подняться, и он ушёл, оставив обильную росу на траве. Но собравшихся идти к Длинному Озеру туман задержал. Старшие охотники, вышедшие провожать молодёжь, хмурились, качали головами. Так рано хока заглянула в посёлок – плохая примета. Из-за этих разговоров, из-за задержки настроение у Криса и его спутников упало, будто и не на Праздник собрались. Один Марик не унывал – что там хока по сравнению с предстоящим весельем! И в конце концов его радостная болтовня подействовала на всех. Утренние тревоги остались позади, едва стена чернолистов закрыла от путников Зелёный Холм.

Этой осенью выбирать себе пару шли впятером: четвёрка приятелей и Лона Меченая, девушка рослая, длинноногая, груди выпирают из-под лифа как у взрослой женщины. Лишь родимое пятно в полщеки не позволяло назвать её красавицей. В посёлке жила и ещё одна ровесница Джулы и Лоны, но та уже была замужней – Салли-Белянку Охотник привёл на исходе лета издалека, аж из Старых Запруд.

Первый привал они устроили ближе к полудню, когда добрались до развилки. От этого места одна тропа, поуже, бежала на запад к Грибной Поляне и Гнилому Ручью. Вторая, широкая, сворачивала на юг, к самой сердцевине заселённых лесным народом земель. По развилке проходила граница охотничьих владений зелёнохолмовских. Ни Крису, ни Марику, ни Тэду не приходилось пока что забредать дальше, а уж девушкам – и подавно. Место для отдыха здесь было превосходное – под кронами молодых голянок, собравшихся рощицей вдоль тропы, и тень казалась весёлой, светлой, не то, что в чернолистовой пуще. Лона сразу же растянулась на густой пахучей траве. Марик присел рядом, покосился на её длинные ноги. Не торопясь начал развязывать сумку. Поинтересовался:

– Крис, бутылка с жусом у тебя? Мож, попробуем, а?

– Ты что?! – тотчас вскинулась на него сестра. – Мама сказала – ни-ни до Праздника. Потерпеть не можешь?

– Никто не узнает, если сами болтать не будем.

Толстяк просительно уставился на Криса. Но тот в ответ отрицательно качнул головой:

– Через лес идём. Мало ли, кого встретим.

– Да кого среди бела дня на тропе встретишь? Разве что рыжка. – Марик еле увернулся от сестринского подзатыльника, окликнул второго товарища. – Тэд, ты что скажешь?

– Я с Крисом согласен.

Поняв, что оказался в меньшинстве, Марик разочарованно вздохнул, но канючить перестал. Какое-то время жевали молча. А затем вопрос Лоны повернул мысли всей компании в другую сторону:

– Ребята, на Праздник ведь и речные приходят?

– Само собой.

– Ой, не хочу с речными парнями любиться.

– Боишься, у них «дружки» слишком длинные? – Марик подмигнул приятелям.

– Нет, на них чешуя рыба, – вставил своё предположение Крис.

Лона обиженно надула губы.

– Перестаньте! Джула, хоть ты не смейся! Совсем не из-за этого. Вам, парням, хорошо, вы домой вернётесь. А нам в чужие посёлки потом идти. Речной край – это ж невесть где! Нет, я хочу поблизости мужа найти. Джула, а ты?

– И я. – Джула быстро взглянула на Криса, улыбнулась. – Поближе выберу.

– А я бы речную взял в жёны, – мечтательно протянул Марик, выживая очередную лепёшку. – Берт говорит, они все с голыми сиськами ходят.

– Это из-за сисек он два года подряд на Праздник шлялся? – Джула опять фыркнула. – Точно, Безголовый!

– Он бы и третий раз пошёл, если бы Староста не вмешался, – подтвердил Крис.

Весной Берта, так и не подобравшего за два года пару, заставили взять Элли Мальку, бывшую жену Охотника. Женщину во всех отношениях хорошую, но больно уж тихую и покладистую.

– Бедная Малька! Я ей сочувствую. – Джула покачала головой.

– Да уж, Берту такая жена нужна, чтобы по голове настучать умела.

Заметив, что Марик отвлёкся на неосторожно оголившуюся грудь Лоны, Крис проворно высыпал оставшиеся лепёшки в сумку. Объявил:

– Хватит объедаться, идти ещё долго. Да и на Озере не одни же маслины с рыбой лопать.

Дёрнувшись было вслед за едой Толстяку достался только звонкий щелчок по лбу от Джулы.

После развилки тропа сделалась натоптанней и веселее. Узкий коридор сквозь чащу чернолиста остался позади, теперь путников обступали рощицы голянок и трещоток, заросли лапника. А стоило миновать невысокую каменистую гряду, лес и вовсе подался в стороны, открывая огромные поляны, заросшие высокой, в пояс, травой. В последние денёчки лютайра солнце решило наверстать упущенное и грело почти по-летнему. Крис, Джула, Тэд этому радовались, зато Марику жара досаждала. Толстяк то и дело смахивал пот с лица, сопел, часто глотал воду из фляги. От этого потел ещё больше. И Лона скисла. Начала отставать, заныла жалобно, чтобы шагавшие впереди Крис и Джула шли медленнее.

Миновали поляны, вновь к тропе подступили высоченные стволы чернолиствов. Корявые буро-рыжие ветви переплетались высоко над головой. Сквозь густую листву к земле пробивались лишь отдельные солнечные лучи. Марик приободрился, рванул вперёд, обгоняя спутников. Скрывшись за поворотом, радостно завопил: «Э-ге-гей! Я озеро нашёл!»

Лесное озерце лежало прямо на их пути, окружённое со всех сторон зелёной стеной. Манящее прохладой, прозрачное, так что видны самые мелкие камешки на его дне. Марик, не мешкая, бросил сумку на траву, скинул килт и с разбега сиганул в воду.

– Ух, здорово! – Круглая радостная физиономия вынырнула чуть ли не на середине. – Водичка тёплая! Что, так и будете на берегу торчать? Как хотите, а до самого Каменобродья и умыться негде будет.

Тэд неуверенно покосился на Криса, Лона – на Джулу. Эти двое тоже не прочь были окунуться, но не решались. В посёлке заведено было парням и девушкам купаться отдельно. Так то в посёлке! Крис вопросительно взглянул на сестру. Джула в ответ плечами пожала: «Хочется же искупаться, а?» – начала развязывать лиф. Это стало сигналом – Лона тут же последовала её примеру. Правда, перед тем, как сбросить юбку, обвела взглядом парней: «Вы же не будете подсматривать?» И сама первая захохотала, встретив оценивающий взгляд Марика.

Толстяк и Лона плескались дольше всех. Крис с Джулой давно вылезли и улеглись сушиться, дежуривший первым Тэд успел окунуться к тому времени, когда они выбрались, наконец, на берег. Лона чуть постояла, раздумывая, а потом засемила к зарослям орешника, пискнув:

– Ой, не утерплю, описаюсь!

Рухнувший было на траву Марик мгновенно вскочил.

– Эй, стой! Не ходи по лесу в одиночку!

Метнулся следом, на ходу кинув Крису:

– Проверю, вдруг там ленточник или ещё какая гадость прячется.

– Ты хоть нож возьми!

– Мой «нож» всегда при мне!

– Кое-кто не выдержал до Праздника, – констатировала Джула, когда задница Толстяка исчезла в зарослях.

Крис осторожно покосился на её нагое тело.

– Знаешь, сегодня утром я...

Он запнулся, пытаясь подобрать правильные слова. Никаких «правильных слов» однако в голову не приходило. И Джула не спешила помочь. Даже не повернулась в его сторону, улыбаясь кончиками губ, рассматривала охотившуюся на травяных блох многоножку. Тогда, набрав побольше воздуха, Крис выпалил:

– Мы с Милой любились по-взрослому.

– Тебе понравилось?

Крис облизнул губы. В голосе девушки не было ни обиды, ни вызова, только искренний интерес. Означать это могло одно – Мила сказала правду. Они обо всём договорились, и... не сомневаются в его согласии? Ха, он согласен, ещё как согласен!

У лесного озера они задержались слишком долго, не рассчитали время. А дни в лютайре короткие, не летние. Солнце как-то быстро опустилось, затерялось в кронах чернолиств, и сразу же небо заволочили облака, не давая пробиться свету Большой Луны.

На очередную гряду они поднялись уже в полной темноте. Марик, не останавливаясь, рванул вперёд, крикнув:

– Считайте, мы на месте! Отсюда до Каменобродья рукой подать.

– Ты откуда знаешь, не бывал же здесь никогда? Может, нам ещё идти и идти? – недоверчиво переспросила Джула, вглядываясь в черноту ночи. И впрямь, ни одного огонька не видно впереди.

– А карта в Ратуше зачем? Я её наизусть помню. Идите за мной!

«Рука», о которой говорил Марик, оказалась слишком длинной. Они шли и шли, а Каменобродье не появлялось. В конце концов Тэд остановился. Произнёс опасно:

– Ребята, мы не по тропе идём.

– Как это, «не по тропе»? – возмутился Марик. Тут же с размаху наступил на сучковатую ветку. – Ах ты ж, болячка болотная!

Тэд был прав. В сгустившейся тьме не то, что тропу отыскать, направление определить не удавалось.

– Заблудились, – Джула первой осмелилась признать очевидное. Повернулась к Лоне: – Всё из-за вас с Толстяком!

– Вперёд идти нужно, по любому на Каменец наткнёмся, – Марик не сдавался. – И тогда вдоль него – к посёлку.

– Вперёд, это куда?! – рявкнула на него сестра, крутнувшись на месте. – В какую сторону? Деревья везде одинаковые!

– За мной идите, у меня чутьё лучше, чем у ворчуна!

– Стоп! – Крис решительно прекратил спор. – Никуда не идём. Здесь до рассвета остаёмся.

– В лесу ночевать? Осенью? Да ты что? – возмутился Марик.

– Крис, не надо в лесу, я боюсь, – тихонько заскулила Лона. – Я никогда в лесу не ночевала.

Джула зло цыкнула на неё.

– Раньше думать надо было! Вот приползёт пузырь, плюнет и начнёт ме-едле-енно заглатывать. А ты ни ручкой, ни ножкой пошевелить не сможешь. Одно и останется: сопли пускать да вспоминать, как сегодня в орешнике резвилась.

Лона заплакала по-настоящему. Повизгивала противно, как подраненный слепыш, размазывала кулаками брызнувшие слёзы.

– Не пугай её, – хмуро попросил сводную сестру Крис. Тронул Лону за локоть: – Нет тут никаких пузырей, успокойся.

Ночёвка в осеннем лесу и его не прельщала. Но уж лучше у костра спать, чем топтать в темноте по незнакомому лесу. В их маленьком отряде он оказался старшим охотником, хоть вроде и не назначал никто. Но раз больше некому, то решение ему принимать.

Натыкаясь на острые сучья, бранясь или взвизгивая, они наломали сухих ветвей, сгребли палую листву. Когда затрещал огонёк, сделалось немного веселее. Распределили дежурства, замотались в пончо и легли, тесно прижавшись друг к другу. Крису, Тэду, Марику ночевать у костра за прошедшее лето приходилось не раз, но девушки остались в лесу впервые. Они долго ворочались, старались притиснуться к парням, мешали тем заснуть. Но потом день пути начал сказываться.

– Крис, проводишь меня к заводу? Пока никто не мешает? – жарко шептала на ухо Джула.

– Ночью? Темно, заблудимся.

– Смотри, утро начинается.

Она вскочила и, как была, не надевая лиф и юбку, скользнула в лес.

– Постой!

Крис попытался нашарить килт, но девушка уже исчезла среди стволов. Пришлось плюнуть на поиски одежды и бежать следом. Деревья сразу же расступились, неожиданно открывая озеро. «Как мы сюда попали? Это же день пути от посёлка?» – удивился Крис. Позвал:

– Джула, ты где?

Тут же увидел стоящую у кустов девушку. Он шагнул к ней... и застыл, будто пригвождённый. За её спиной не кусты шевелились – поднимался, собираясь клубами, густой, тягучий туман. «Уходи оттуда!», – хотел закричать Крис и не смог. Джула смотрела на него и черты лица её менялись, плыли, как клубы тумана...

– А-а-а-а!

Подброшенный отчаянным визгом, Крис вскочил на ноги, сжал в руке нож.

– Там... ленточник! – Лона, невесть как перескочившая костёр, тыкала пальцем на продавленную её телом ямку. – Он у меня по ноге полз!

Крис сердито зыркнул на стоящих поодаль приятелей. Разбираться, кто заснул во время дежурства, сейчас было некогда. Кивком головы приказал идти за собой. Они осторожно, крадучись, окружили разворошённое ложе и сваленные в кучу сумки. Подошли ближе. Ещё ближе. Ошалевшая от крика золотянка выронила украденную лепёшку и застыла, тараша на них глазки-бусинки. Кажется, испугана она была не меньше, чем Лона.

Крис выдохнул, повернулся к девушке.

– Вот он, твой ленточник.

– Ох и наглая тварь! – Марик вытер выступившую на лбу испарину, замахнулся ногой на безобидного, в пол-ладони грызуна. – А ну кыш!

Опомнившись, зверёк юркнул в темень, блеснув напоследок искоркой шкурки в свете затухающего костра.

– А я думала, ленточник. – Проводив его взглядом, Лона виновато хихикнула. – Оно по ноге как побежит, я чуть не описалась со страха! Я же трусиха, не то, что Джула.

Марик хмыкнул.

– Да ты орёшь так, что все ленточники в округе разбежались. Я и сам чуть не драпанул. Ладно, чё стоять-то? Спать давайте. Тэд, твоя очередь дежурить.

После происшествия с золотянкой ночной лес уже не пугал, и под весёлый треск костерка Крис заснул почти мгновенно. Недавний сон он забыл.

Каменобродье они увидели, едва поднялись на пригорок. Джула оглянулась и застыла, широко распахнув глаза.

– Ух... ну мы олухи!

Все дружно повернули головы. В двух сотнях шагов лес обрывался тянущимися до самого посёлка огородами. В темноте они умудрились сделать немалую дугу вокруг него. А ведь стоило пройти немного, подняться на пригорок, и увидели бы огоньки в окнах домов.

– Я предлагал идти, не послушали. – Марик расплылся в самодовольной улыбке. – Золотянок ловить захотели. Интересно, что каменобродские подумали, когда Лону посреди ночи услышали?

Вскоре они вошли в Каменобродье. Но всё равно опоздали – ребятня из соседних посёлков отправилась дальше на рассвете. Марик предложил не мешкая спешить вдогонку, но остальные дружно воспротивились. Впереди ждал самый длинный участок пути – до Крикунов топтать полный световой день бодрым шагом. Перед такой дорогой следовало хорошо отдохнуть и выспаться.

Своих северян они так и не догнали, зато на полпути от Крикунов к Лапникам наткнулись на таких же опаздывающих ребят с восточных окраин. А на исходе девятого дня добрались к Длинному Озеру.

Рощи маслин, тянущиеся вдоль тропы от самых Сладкоежек, поредели, ушли в сторону, и вся их шумная ватага вывалилась на огромную, сначала плоскую, а затем полого убегаящую вниз поляну. Крис не сразу сообразил, что путешествие закончилось, что стоит он на вершине знаменитого Весёлого Холма. Незаметно для себя они поднялись по его северному, лесистому и пологому склону. Каким же огромным оказался этот холм! Десяток посёлков могло разместиться здесь, и тесноты никто бы не почувствовал. Под холмом, далеко внизу вытянулось, охватив его полукругом, озеро, сверкающее золотом в лучах уходящего на запад солнца. И туда же на запад, в зелёную дымку лесов устремлялась Река. Там лежала странная для лесных жителей земля речного народа.

На южном склоне деревья не росли, лишь сухая колючая трава и стелющийся по земле цепкий кустарник. Только у самой воды склоняли гибкие ветви не виданные Крисом плакальщицы. Здесь много было такого, что раньше он пытался представить себе по рассказам старших. Это озеро (столько воды – в одном месте?!), рощи маслин, облепленных сладкими сизыми ягодами, лежащие на берегу длинные деревянные штуки речных... лодки! Но самое необычное было за озером. За узкой полосой светло-зелёного леса расстилалась... у Криса дыхание перехватило. Невозможно представить тянущуюся до самого горизонта пустошь, покрытую желтоватой травой. Степь. Голова кружилась, таким огромным оказался мир. И земли лесного народа – маленький его кусочек, который можно пройти насквозь за каких-то девять дней!

– Что вы столбами стоите? И так опоздали! Солнце садится, а нужно ещё шатёр в порядок привести. Завтра же Праздник начинается! – сердито поторопила Джула.

Крис наконец смог оторвать взгляд от дали и посмотрел, что творится вокруг. Сколько же народа здесь собралось? Раза в два больше, чем жило в их посёлке. Да нет, куда там в два! Просто из-за размеров поляны это не бросалось в глаза. Вдоль обступивших вершину маслиновых рощ тянулся длинный ряд шатров – по одному от каждого посёлка. И везде сновали незнакомые парни и девушки. Кто-то ремонтировал временное пристанище, прилаживал новые жерди, кто-то тащил охапки травы для подстилок, кто-то вытряхивал содержимое сумок. А другие уже знакомились, рассказывали о путешествии, хохотали. Крис принялся было считать и сбился. От новых лиц рябило в глазах.

Не у одного Криса голова закружилась от впечатлений. Марик бормотал, чуть не давясь слюной:

– Крис, Крис, смотри, сколько здесь девок! А вон там, справа, смотри! Это же речные! Бородавка мне на всю задницу, самые настоящие речные девки!

В их посёлке жила лишь одна женщина с Реки – Аня Чёрная, прозванная так за цвет волос и чересчур смуглую кожу. А здесь её соплеменниц и соплеменников собралось, пожалуй, больше, чем лесовиков.

– Да смотри же, смотри, вон, две прямо в нашу сторону идут! И сиськи торчком! Значит, не врал Безголовый!

Крис и сам не мог отвести глаза от проходивших мимо девушек. Те были совсем не похожи на жительниц леса. Волосы коротко обрезаны, даже на плечи не ложатся, и одеты странно – лифов не носят, юбки коротенькие. Не юбки, а широкие полосы блестящей зеленоватой кожи, обёрнутые вокруг бёдер.

Та, что ниже росточком, скользнула взглядом по Крису и вдруг удивлённо распахнула зелёные, как молодая малька, глаза. Даже шаг замедлила. Спутница её, о чём-то тараторившая, покосилась на парней, поймала взгляд Марика, правильно оценила, куда именно тот направлен, хихикнула, сильнее выпятила грудь. А затем зашептала что-то на ухо подруге и потащила её дальше.

Толстяк сглотнул заполнившую рот слюну, толкнул Крису локтем в бок, прошептал:

– Видал? Речная девка на тебя запала. Эх, быть бы мне таким красавчиком! Я бы их всех...

Крис отвесил ему дружеский подзатыльник.

– Не вздумай меня здесь Красавчиком называть! И наши девчонки ничем не хуже речных.

Но смуглое скуластое личико в обрамлении чёрных до синевы волос, широко распахнутые ярко-зелёные глаза, вздёрнутый носик не хотели выветриваться из памяти. И звенели в голове слова, не произнесённые, но услышанные: «Ой, какой красивый парень! Вот бы с ним...»

Пришла ночь, и Джула прижималась к нему в темноте шатра, шептала на ухо, стараясь не разбудить Тэда – Марик и Лона слонялись где-то в поисках приключений, – что завтра они смогут выбрать друг друга и стать мужем и женой. Но если Крис очень хочет, то можно не ждать. Можно сбежать в рошу, никто не заметит – многие так и поступали. И пусть Крис делает с ней то же, что с Милой тогда у заводи. По-настоящему, по-взрослому.

В рошу они не пошли. Спали до полудня, потом объедались маслинами, знакомились с соседями, ломали сухостой и таскали на поляну дрова. А вечером, когда солнце коснулось горизонта, начался Праздник. Едва вспыхнул огромный костёр в середине поляны, едва прорезали воздух дробь барабанов и звуки свирелей, как Крис увидел рядом вчерашнюю зеленоглазую незнакомку. «Что же ты сидишь?! Пойдём плясать! Тебя как зовут?»

А девушку звали Рита. Посёлок её со странным названием Изумрудный стоял где-то далеко на юго-западе, на самом краю мира, где было много рек и озёр, а леса считай, что и не было. Так далеко, что лодкам пришлось десять дней подниматься против течения. И мужчины там не умели охотиться на ворчунов, слепышей и рыжков, а вместо этого ловили рыбу и огромных головачей – страшилищ, способных в миг отхватить руку или ногу неудачливому пловцу длинными острыми зубами. Женщины в том краю не выращивали репчатку, не собирали грибы, орехи и корешки любника, зато умели плести сети из волокон камышника, вялить и коптить рыбу. Горох же там рос сам по себе и множество съедобных трав и ягод, о которых Крис никогда не слышал. В речном краю не делали и не носили одежду, довольствуясь повязкой из кожи головача, потому что и зимой там было тепло. И ещё в том краю почти не водились шлейфокрылы, а пузырей и ленточников мужчины истребили много лет назад.

Вот только туман появлялся там даже летом. Накатывал внезапно с севера, со стороны Запретных Озёр, и оставался надолго, так что нельзя было пересидеть его по домам. Потому и хоки приходили за речными людьми чаще.

Веселье, раз начавшись, уже не прекращалось. День, ночь перестали существовать, слились в бешеный круговорот. Терпкий жус пьянил. А ещё больше – музыка, смех, кружащаяся толпа, странный аромат южного ветра и множества молодых женских тел, жар костра и сладость ягод. И близость Риты. Когда Крис овладел ею первый раз – это было как сон. Или, может быть, это она им овладела? Какая разница, если понравилось обоим? Они любились снова и снова. Сначала убегали в рощу, в тень маслин, когда Праздник набрал полную силу – прямо у костра, на поляне, рядом с множеством других, захваченные сумасшествием страсти пар. Тело Риты было мягче и нежнее, чем у Джулы, более упругим и юным, чем у Милы. Впрочем, сравнивал Крис в первый день. А затем лишь погружался в него, забывая обо всём.

В одно из редких мгновений, когда Риты не было рядом, к нему подошла Джула. Чем занималась сводная сестра эти дни, с кем была, Крис понятия не имел. Даже не вспоминал о земляках. Вынырнет из толпы лицо Марика или Лоны, редко – Тэда и опять исчезает, уносимое водоворотом Праздника.

– Крис, ты не забыл? – спросила.

– О чём? Почему ты такая хмурая? Праздник, веселиться нужно!

– Веселись. Развлекайся с речной. Но в жёны ты обещал выбрать меня!

Крис прикусил язык. Всё, что было между ними в Зелёном Холме, сейчас казалось таким далёким. Джула как в детстве превратилась в любимую сестрёнку, товарища по играм. Но жена... при чём здесь жена? Он отрицательно помотал головой.

– Вот и хорошо, что не забыл! Я подожду до конца Праздника. Я же понимаю, ты мужчина, тебе надо любиться с женщинами.

Крис ничего не ответил. До конца Праздника было далеко.

Они сидели вдвоём, обнявшись, на берегу озера. Смотрели на звёзды, на опускающуюся за южные степи Малую Луну.

– Знаешь, когда я слушала рассказы старших о Празднике, то даже не представляла, как это будет на самом деле. – Рита провела узкой маленькой ладошкой по щеке Криса. – А ты?

– И я не представлял. Ожидал, что будет здорово. Но здесь не просто здорово, здесь... здесь как в сказке!

– Какой ты миленький, Крис!

«Миленький...» Непривычное слово. У речного и лесного народов язык был один, но выговор, да и отдельные словечки различались. Иной была манера вести себя, жесты. Всё же они жили так далеко друг от друга! Для большинства Праздник останется первой и последней встречей с людьми из чужого племени.

Рита и Крис подумали об этом одновременно.

– Крисик, ты лучший парень, какого я видела. Самый красивый, самый нежный, самый ласковый. Жаль, что ты не из речного народа. – Она опустила голову ему на плечо. Грустно вздохнула. – Праздник закончится, ты уведёшь к себе ту рыжую, что вертится вокруг. А меня забудешь.

Серебристая лунная дорожка, бегущая через озеро, мерцала в такт стуку её сердца. Тук-тук, тук-тук, совсем близко. Мягкая упругая грудь, уже такая знакомая, родная, прижималась к его груди. Крис, больше не раздумывая, не сомневаясь, зашептал слова, что давно вертелись на языке:

– Рита, наши мужчины приводят жён из речного народа. Правила не запрещают, наоборот! Это женщины боятся уходить далеко от родных мест.

– Я не боюсь...

– Она не боится, она просто не пойдёт с тобой!

Крис и Рита вскочили. Из темноты к ним спускался высокий худощавый парень. Загар был заметен даже при свете луны, тёмные волосы завязаны на затылке в пучок. Явно – из речных. Девушка уцепилась в руку Криса, пояснила:

– Это Глеб. Он...

Пришелец не дал времени объяснить. Глядя надменно сверху вниз, процедил сквозь зубы:

– На Празднике всем разрешено любитья со всеми, это Правило, да. Ты можешь любить Риту, как и любую девушку здесь. Но ты делаешь это три дня подряд, не многовато ли, лесной? Пора поискать другую подружку!

– С какой стати ты мне указываешь? Сам топай искать подружку! Рита вольна выбирать себе парня, какой понравится. Это тоже Правило, или у вас, речных, не так?

– Она выбрала – меня! В Правилах не сказано, что выбирают в последний день. Можно хоть в первый, едва загорится костёр и начнётся Праздник. Вы, лесные, это забыли?

Крис осёкся. Глеб говорил верно. Увидев замешательство соперника, речной властно протянул руку девушке.

– Пошли к костру. Я соскучился по тебе, я хочу тебя. Помнишь, как мы в первый раз любились? Ночёвку в Лиловом помнишь?

Рита отступила за спину Криса.

– Ты всё врёшь, я тебя не выбирала. А что было во время плавания – это не считается. Это «по-детскому».

– Как «по-детскому»? – Глеб пошатнулся от неожиданности. – Ладно, пусть. Но здесь, в первый день...

– Ты всё врёшь!

Парень опустил руку, отступил на шаг.

– Я никогда не врал. А ты... хочешь выбрать его? Идти с ним на северные болота? С лесным? Они же грязные и трусливые!

У Криса кулаки сжались сами собой. Пусть речной выше на голову – ничего не значит! Дать ему снизу в челюсть, узнает, кто тут грязный и трусливый! Нет, нельзя, Правила запрещают драться во время Праздника. Но и стерпеть такое невозможно. При Рите!

– Они не грязные! – Рита больше не пряталась за его спину, шагнула вперёд, втискиваясь между соперниками. – Не веришь? Пойди проверь – полюбись с какой-нибудь лесной девчонкой!

– Уже! Пусть не грязные, но воды они боятся, это точно! Ты видела, чтобы хоть один сунулся в озеро глубже, чем по пояс?

– У них настоящих рек нет, где они плавать научатся?

Крис мягко отстранил девушку.

– Я умею плавать. Не хуже тебя, речной. Зато ты леса боишься!

– Да? Доказать сможешь? Айда на тот берег озера и обратно? Не бойся, фору дам.

– Не нужна мне твоя фора! Ты тоже доказывай – там, в лесу, высокий чернолист стоит. Найди его и принеси ветку. Сейчас, в темноте!

Рита испугано вертела головой. До неё начало доходить, что затевается нечто поопаснее драки.

– Ребята, вы что? В темноте через озеро? В лес?!

– Скоро утро, пока переплывём, светать начнёт, – Крис старался говорить уверенно.

Глеб хмыкнул.

– Ты и до полудня не переплывёшь. Но спор есть спор. Кто первый ветку принесёт, тот Риту в жёны берёт. Согласен?

– Согласен!

Крис выпалил, не задумываясь. Опомнился, виновато повернулся к девушке. Глеб тоже сообразил, что поспешил ставить условие. Выбор зависел не только от них двоих. Рита сделала шаг назад, зажала кулачками рот. Затем вздохнула, покачала головой. И неожиданно засмеялась.

– Вы дураки, один другого стоит. Думаю, ничего с вами не случится, искупаетесь лишний раз, да исцарапаетесь в чаще. Здесь никакого зверья не водится, это все знают. Так что плывите, развлекайтесь.

– А ты что? Обещаешь выбрать того, кто первым ветку принесёт? – Глеб хмуро покосился на соперника.

– Обещаю! – Рита презрительно выпятила губку. – Но до конца Праздника буду любиться, с кем захочу. Понятно?

Вода в озере оказалась тёплой, плыть было легко. Сначала Крис пытался грести быстро, чтобы не отставать от соперника, но вскоре понял, что Глеба ему ни за что не догнать. Наоборот, выдохнешься в самом начале, ещё хуже будет. Вся надежда оставалась на лес. Пусть-ка речной порыскает в рассветной полутьме, поищет дерево! Крис специально взял правее, чем нужно, а тот и не заметил. А говорит, «видел»!

Всё же озеро было слишком широким, куда там их заводи! Сверху, с холма, казалось, что до противоположного берега рукой подать. А уже и Риту в темноте позади не видно, и куда плывёшь – тем более. Лишь «плюсь-плюсь» впереди – Глеб наверняка смакует победу.

Небо начало сереть, но до восхода солнца было далеко. До берега и подавно. Крис поплыл медленнее – руки устали. Ёш ты в пень, как далеко! Он плыл, плыл, плыл, плыл... Наконец из полутьмы выступили кроны деревьев. От их вида стало легче. Крис попытался разглядеть голову соперника впереди. «Плюсь-плюсь» больше слышно не было. На берег выбрался? Пусть себе – вон, деревья совсем близко.

Плюсь, плюсь. Голова Глеба вынырнула из серой мглы.

– Разворачивайся!

– Чего это? – не понял Крис.

– Что, сам не видишь?! Туман идёт!

– Какой туман? Откуда? Не бывает тумана во время Праздника!

– Это на том берегу не бывает, а здесь – вон он!

Крис взгляделся внимательнее. Точно, над водой стелилась белёсая пелена, потому и казалось, что деревья в воздухе висят. И тут же ступни его коснулись мягкого речного песка. Обидно! Застря, получается, такое озеро переплыл.

Глеб поравнялся с ним.

– Чего застрял? Силёнок нет назад плыть?

– Найдутся силёнки. А врут, оказывается, что речные в тумане охотиться не боятся.

– Врут?! Охотиться я не боюсь, но у нас с тобой ни луков, ни ножей, ни острог нет.

– Так здесь и зверья крупного нет. Чего бояться?

– Чего? – недоверчиво переспросил Глеб. – А то ты не знаешь, чего.

– Не слыхал я, чтобы хок на Длинном Озере видели.

– А я не слыхал, чтобы кто-то ночью на эту сторону плавал.

Крис переминался с ноги на ногу. Берег был так близко, и чернолист он мигом найдёт. Только туман... но ведь Рита обещала!

– Как знаешь, я рискну.

Он осторожно погрёб к берегу. Глеб ругнулся под нос, поплыл следом.

Берег перед ними изогнулся, образуя невидимый прежде заливчик. Сразу сделалось мелко, по пояс. Но и туман здесь был гуще.

Лёгкий всплеск раздался впереди. Ещё. Странные звуки. Будто шлепки по мокрой коже и бульканье. Крис замер как вкопанный. Ни один известный ему зверь так не шумит. Оглянулся

вопросительно на Глеба, а тот уже медленно пятился, выпучив глаза и прижимая палец к губам: «Сматываемся, пока живы! Это хоки играют!» Бесшумно погрузился в воду и что было силы погрёб прочь от берега.

Крис испуганно присел. Хоки?! Они же видят сквозь туман! От них не спасёшься бегством, тем более, вплавь. Лук нужен и стрелы. Но где их взять?

Странные звуки не прекращались. Но и не приближались. Может, хоки не заметили его? Какая разница тогда, куда уходить с этого опасного места? Туман скоро рассеется, Глеб сбежал, так что можно не торопиться, отсидеться в лесу до восхода солнца. Крис осторожно, стараясь не выдать своё присутствие всплеском – даже дышал через раз, – направился к берегу. Хорошо, кусты камышника начинались от самой воды и были такими густыми, что ничего сквозь них не увидишь. Забравшись подальше в чащу, он перевёл дух.

Чернолист Крис нашёл без труда и к берегу возвращался, сделав большой крюк вокруг облюбованного хоками заливчика. Когда он вышел к воде, туман успел рассеяться, и озеро, золотистое в лучах восходящего солнца, не казалось таким уж широким.

Рита и Глеб ждали его. Вернее, девушка ждала, а у парня при виде вернувшегося соперника лицо вытянулось.

– Ты живой? – Рита бросилась навстречу, помогая выбраться из воды.

– Угу, – промычал в ответ Крис. Не было сил разжать зубы, чтобы выпустить ветку.

– Брось её, я и так тебя выбрала! – Она засмеялась, оглянувшись на Глеба: – Так кто здесь трусливый?

Речной ничего не сказал, лишь желваки заиграли под кожей. Молча развернулся и покарабкался вверх по склону.

Глава 3. Взрослая жизнь

Праздник закончился. Ещё вспыхивали язычки пламени в груди золы, ещё посмеивались, перебрасывались шутливыми напутствиями парни и девушки, ставшие теперь взрослыми, ещё многих пошатывало после декады любви и моря выпитого жуса. Но Праздник закончился.

О предстоящем разговоре с Джулой Крис и думать не хотел. Знал, что нужно сочинить какое-нибудь оправдание, но заставить себя не мог. Даже когда вёл свою избранницу к зелёнохолмовскому шатру – не мог. А говорить ничего не пришлось. Тэд выскочил навстречу, закричал радостно: «Крис, Крис! Джула согласилась стать моей женой!» Крис рот открыл от изумления, – не могло всё так удачно сложиться! Но радость друга была искренней, и стоящая позади Рыжок улыбалась хоть и с вызовом, но вполне дружелюбно. Он выдохнул облегчённо и принялся знакомить друзей с Ритой.

Лона вышла за парня из соседних Орешников, так что тоже была вполне счастлива. Одному Марику не повезло. Точнее, как сказала сестра, жадность сгубила. Слишком много хорошеньких мордашек было вокруг, слишком много сладких девичьих прелестей захотелось попробовать. Он до последней ночи не верил, что Праздник заканчивается, что пора остановиться. И обнаружил, что выбирать-то не из кого. Оставшиеся без пары девицы были до того несимпатичны, что вести такую жену домой Толстяку самолюбие не позволило. Впрочем, горевал Марик недолго. Они ещё не дошли до Лапников, как он шепнул Крису на ухо: «Ну их, этих писюх! Перезимую у мамы, а там пристроюсь к какой-нибудь вдовушке. Хотя бы к Миле. Видал, какие сиськи у неё? Мя-а-гонькая, наверное!»

От мысли, что его первая женщина возьмёт Толстяка в мужья, Крису покоробило. Всплыли в памяти утро у заводи, влажные прикосновения её тела. Он отказался от Джулы ради Риты и несколько об этом не жалел. Но от Милы он не отказывался! Во время последней ночёвки в Каменобродье Крис рассказал Рите о намерении взять вторую жену. Та не удивилась и не обиделась – у речного народа были те же Правила, что у лесовиков. Обещала согласиться, если Мила ей понравится.

Зима в этом году выдалась ранняя. Месяц ивибиль не закончился, а на Зелёный Холм уже легли туманы. Плотная грязно-белая пелена рассасывалась хорошо, если к полудню, и вновь начинала сгущаться, как только солнце уходило за горизонт. Женщины целыми днями отсиживались по домам, шили одежду из шкур, что мужья добыли за лето, плели подстилки и покрывала, перебирали запасы. Да и охотники в одиночку не осмеливались наведываться в ближний лес. Зима – сезон Стихии-Воды.

Дом, выделенный Крису и Рите, стоял на самом краю посёлка, у ведущей к роднику тропы. Древняя развалюха пустовала с позапрошлой зимы, молодожёны и не чинили её толком, посчитав это пристанище временным. Зимовать Крис твёрдо надеялся в уютном опрятном жилище Солнышки. А получилось не так. Рита своё согласие дала на третий день пребывания в Зелёном Холме, лишь бы убраться скорее из перекошенной, пропахшей сыростью хибары. Но Мила видеть рядом с собой неожиданную пришлицу с Реки отказалась категорически. Обескураженному Крису объяснила попросту: «Ты её выбрал, может, для тебя так и лучше. Но мне твоя Речная не нравится».

А декадой позже к Миле перебрались жить Тэд и Джула. Это стало неожиданностью для всех в посёлке, в том числе для самого Тэда. Марик поделился с другом своими сомнениями: «За что Молчуну радости привалило – сразу две жены? Сестрёнка ему ещё так-сяк подходит, но Солнышко! С ней Орест не совладал, а Молчун и подавно на сок изойдёт». И Крису выбор Милы показался странным. Но мало ли странностей случается в мире?

А затем стало не до размышлений.

Крис проснулся, едва снаружи начало сереть. Не от унылой этой серости проснулся, – сквозь прорезь окна, затянутую помутневшей от времени плёнкой, утренний свет в дом почти не просачивался, – выработанная за год привычка сказывалась. Полежал немного, собираясь с силами, потом осторожно выскользнул из-под тёплого Ритино бочка, из-под широкого плетёного одеяла, подаренного мамой. Жена причмокнула во сне, повернулась на спину. Крис представил, как сладко было бы прижаться к её разомлевшему ото сна телу, понежиться... Ничего не выйдет, сегодня его очередь на утреннее дежурство. Робик и Косоглазый уже смену выглядывают.

Он вздохнул, ощупью пробрался к кувшину с водой, плеснул в лицо, прогоняя сонную одурь. Завязал килт, сунул нож в перевязь, натянул пончо, взял приготовленные с вечера лук и колчан со стрелами, осторожно приоткрыл дверь. Туман. Такой же непроглядный как вчера, и позавчера, и третьего дня. Угол соседнего дома еле угадывался тёмным пятном, а за ним – плотная серая завеса. Для охотника вся надежда на уши. Услышать противника легче, чем увидеть.

Крис постоял у двери, медленно перебирая приходившие из тумана звуки. Вроде бы всё спокойно. Поёживаясь не столько от утренней прохлады, сколько от шевелящегося внизу живота страха, медленно пошёл вверх по тропинке к Ратуше. Всего ничего пройти – пять сотен шагов, – но жутко. Летом, при солнце, каждая кочка в посёлке знакома, с закрытыми глазами любой дом найдёшь. А сейчас не так.

Проплыл в тумане дом Щербатого Тима. Спит, наверное, под бочком у молодой жены. Весь посёлок спит – зима, торопиться некуда. Только дежурная смена сидит на крыше Ратуши, всматривается, вслушивается, внюхивается в непроглядную мглу. Крис подумал о напарнике. Интересно, Марик также топает с верхней части посёлка? Наверняка. Мама Энн не забудет выпроводить нежданно-негаданно вернувшегося в родительский дом великовозрастного дитя.

Слева показался дом Старосты. Крис вздохнул облегчённо – можно сказать, дошёл. Следующие площадь и Ратуша...

– Ай! – сдавленный детский крик донёсся откуда-то справа.

Крис замер, прислушался. Нет, тихо. Ребёнок выскочил за дверь по нужде да наступил на острый камешек. Или... «Ма... ма...» – то ли крик, то ли плач, то ли стон. Не поймёшь, громко или тихо, далеко или близко. Страшно.

Стрела привычно легла на тетиву. Стараясь разобраться, откуда доносится зов, Крис сделал шаг, второй... и тут звонко ударил набат. Дежурные что есть силы лупили в железный лист, разгоняли всех под защиту домов. Шлейфокрылы над посёлком!

Крис присел, не в силах преодолеть внезапную слабость в ногах. Бегом, спасаться! Ратуша близко, только площадь перебежать! Если успеешь. Нет, вот же прямо перед носом дом Лохматого Дика. Свернуть за угол и тарабанить в двери – пустят!

Но ребёнок продолжал звать. Стиснув зубы, Крис проскочил мимо спасительного дома, дальше в туман. Навстречу вынырнули навесы, гора заготовленного хозяйственным Диком сухостоя. Обогнул всё это и упёрся в заднюю стену следующего дома. Не сообразить в тумане, чей. Но гадать, куда это он выскочил, и не требовалось – под стеной, неподвижно вытянувшись, лежало маленькое худенькое тельце. Всклоченные светло-русые локоны, дикий ужас в глазах. А в ногах шевелился бурый влажный мешок.

Криса передёрнуло от отвращения. Пузырь! Отбросив бесполезный лук, он выхватил нож и... куда же эту мерзость бить? Ни головы, ни лап, только безразмерная пасть и желудок. Тварь успела вывернуться наизнанку, начала обтягивать ступни девочки. Быстро, ничуть не заботясь о стоящем рядом охотнике. Желудок без мозгов! Парень одним махом рассёк стягивающую ноги ребёнка грязную липкую плёнку. Существо дрогнуло, выпуская жертву, съжи-

ваясь. Высунулись откуда-то глаза на длинных усиках. Нельзя допустить, чтобы оно успело назад вывернуться! Снова плевать начнёт.

Крис полоснул ещё раз. Ещё и ещё, пока тварь не развалилась пополам. Брезгливо отбросил кончиком лезвия части. Не услышал, не почувствовал, что творится за спиной. Но в голове опять запищало: «ма!»

Не стараясь понять, он отпрыгнул в сторону, перевернулся на лету. Огромный шлейфокрыл, не успев остановиться, ударился о стену дома, вцепился острыми как лезвия ножей когтями в брёвна прямо над головой девочки. Крис вскочил, беспомощно оглянулся на лежащий в пяти шагах лук. Прыгнуть, поднять, натянуть тетиву... не успеет! Тварь отталкивалась от стены, готовая вцепиться в тело ребёнка. Не думая, что делает, он с размаху всадил нож в огромное серое крыло.

Нет, не всадил. Острый клинок скользнул в сторону, и тут же сокрушительная сила отшвырнула Криса. От удара головой об стену из глаз брызнули искры, на миг всё опрокинулось во мрак. А в следующий – шлейф заслонил весь мир, и у самого лица Криса растопырились когти. Десятки маленьких хищно загнутых лезвий.

Шлейфокрыл обиженно заверещал и круто взмыл вверх, исчез в тумане. Не понимая, что случилось, Крис проводил взглядом тёмную тень, и лишь потом расслышал крик над ухом: «Ты цел? Идти можешь? В дом скорее, пока они не вернулись!» Рик Борода сжимал в одной руке лук, другой старался приподнять дочь. Набат разбудил его вовремя.

В этот раз всё обошлось, шлейфокрылы улетели без добычи. Старшие охотники уважительно похлопывали Криса по плечу, хвалили за убитого пузыря – не каждый рискнул бы остаться снаружи, заслышав набат. И одновременно подтрунивали, склоняя на все лады попытку схватиться врукопашную с крылом. Впрочем, что следовало делать, не брался подсказать никто. Если бы не стрела Бороды, девочку тварь бы разодрала, но Крис за это время мог успеть убежать. Или, если такой смелый, поднять лук и попытаться подстрелить хищника, увлёкшегося потрошением добычи. Девочка в любом случае была обречена. Сегодня ей повезло дважды подряд.

Крис же не мог выбросить из головы другого – как она умудрилась звать на помощь, если была обездвижена пузырём? У неё ведь и губы, и язык занемели. А если не звала, то как он услышал?

В последнюю декаду люсора стало совсем худо. День проходил за днём, а туман и не собирався открывать солнце. Разве что редел ближе к полудню, но ненадолго. О вылазках за пределы посёлка не было и речи, к соседям бегали и то с опаской.

Когда стали заканчиваться запасы хорошей воды в домах, Докторша отправилась к Старосте. Решали, что опаснее: организовывать поход к роднику, либо ждать, пока полпосёлка подцепит поносную болячку.

Староста решил. Вдоль тропы, вокруг зарослей камышника, на отдалённых окраинах посёлка встали охотники, прикрывая сновавших вниз-вверх женщин и детей. Понятно, защита эта была от ленточников и пузырей. Случись налёт шлейфокрылов, всех не уберёжешь.

Крис стоял в самом низу тропы, там, где она изгибалась и ныряла в кусты к звонко журчащему роднику. Всмотривался до боли в глазах в белую пелену. Слушать бесполезно – топот ног за спиной, шуршание стеблей, плеск зачерпываемой воды заглушали звуки, способные выдать подкрадывающегося хищника. Выскользнет прямо над головой крылатая тень, первой стрелой и попасть не получится. А вторую успеешь на тетиву положить, только если крыл не тебя в дичь наметил.

От этого напряжённого всматривания, от ожидания начало ломить затылок. Крису хотелось одного – чтобы поскорее это закончилось. А не заканчивалось. Они что, всю воду собираются вычерпать?! Лишь когда перед глазами тёмные пятна поплыли, он услышал: «Всё, ухо-

дим!» Слова командующего внизу Тима будто выдернули какой-то стержень внутри. Руки, сжимавшие лук, сами собой опустились: «Фу-у-у!» Крис понимал, что ещё надо самому наверх подняться, до дома дойти. Но это ерунда! Главное – женщины и дети по домам сидят, а ватага вооружённых до зубов охотников сумеет за себя постоять.

Рита ждала его дома. Лежала, вытянувшись на топчане.

– Ох, я и устала! Натаскала воды – до конца зимы хватит.

– До конца зимы о-го-го сколько. – Крис снял оружие, потянулся, стараясь расслабить затёкшие мускулы. – Да у нас и посуды в доме нет, чтобы такой запас сделать.

– Три ведра притянула и пять кувшинов. А они такие огромные!

– Всего-то?

– Ты думаешь, легко? Это тебе не с луком стоять, по сторонам глазеть.

– Разве у вас не так за водой ходят? Когда туман?

– У нас полгода туман, но воду целыми озёрами в дом не таскают. Нужно – пошла к родникам, набрала, принесла ведро. И вдвоём с мужем, а не всем посёлком. По Изумрудному я и в туман не боялась гулять. Наши мужчины мерзость всякую в посёлок не допускают!

Крис пожал плечами, думая, как объяснить различие между речным краем и лесным. Не успел – в дверь забарабанили.

– Крис, Крис! Открой, это Марик!

– Что-то случилось?

– Мама пропала! – Ввалившийся в дом Толстяк был серым, как туман снаружи. – Она только раз к роднику сходила – немоглось ей последние дни, – дальше Рикки сам воду таскал. Говорит, сначала приходил, мама дома, а потом – уже нет. Он думал, она отдохнула и снова к роднику пошла. Но её никто не видел больше, я всех соседских женщин оббежал. Не ходила она второй раз!

– Не паникуй. – Легко сказать, «не паникуй», у Криса самого всё оборвалось внутри. – Бежим к Щербатому, к Старосте. Поднимаем охотников!

Докторшу долго искать не пришлось. Она лежала за собственным домом под навесом для дров. Высохшее, готовое рассыпаться в пыль от любого прикосновения тело.

– Как же так? Мы же рядом были, куча людей по посёлку бегала. И никто не видел! Почему?!

Марик изо всех сил старался, чтобы слёзы не прорвались, не брызнули из глаз. Не пристало мужчине плакать. Крис ощущал то же самое, не мог даже слово произнести. Да и зачем? Это не ленточник, не пузырь, не шлейфокрыл. Тут не уберёжешься. За каждым рано или поздно приходит хока.

Остался позади люсор, затем – ризльч. Зима закончилась, отдав своей повелительнице ещё двух женщин и одного охотника. И шлейфокрылы несколько раз находили добычу. Но жизнь в посёлке продолжалась, следуя заведённому давным-давно распорядку.

Дни сделались длиннее, туманное утро – короче. В преддверии весенних дождей женщины вышли на ближние огороды – тыкать в землю жёлтые зёрна гороха, отложенную на посадку мелкую репчатку. Самые смелые или бесшабашные возились и на дальних, у непривычно прозрачного из-за поредевшей листвы леса. Впрочем, на это в Зелёном Холме редко кто отваживался. Слишком много тварей сползлось к человеческому жилью за зиму, охотники лишь начали чистить окрестности. Дальние огороды предназначались для второго, летнего урожая.

Иметь дом на нижнем краю посёлка оказалось очень удобно. Вышел за дверь – и вот он, твой огород. Во всяком случае, Крис считал, что им с Ритой в этом повезло. Каждый вечер, возвращаясь из лесу, он с удовольствием рассматривал свой клочок земли, представлял, что

скоро на нём зазеленеют первые всходы. Пока однажды возившаяся на соседнем участке младшая из жён Щербатого, Фера, не окликнула его:

– Крис, там Рита не захворала? Я могу помочь с посадкой. Или ещё с чем...

Фера была одной из тех женщин, что смотрели на него с плохо скрытым вожделением, а на его речную жену – с завистью. Конечно, она была хорошей соседкой, предложение помочь звучало вполне искренне. Но... Крис знал, что некоторые молоденькие жёны старших охотников позволяли летом уводить себя подальше в лес и там задирали юбки. В посёлке тайны долго не держались, слабых на передок бабёнок знали наперечёт. Прямого запрета на такие вольности в Правилах не было, но за обман следовало наказывать. Так что время от времени обиженные мужа мутузили своих неверных подружек, стараясь отбить тягу к блуду. Сизый фингал под глазом у соседки Крис замечал не раз.

– Сами справимся, – отмахнулся он.

– Ну как хочешь. А то я смотрю, Рита третий день на огороде не показывается.

– Третий день?

Крис недоумённо оглядел клочок земли. Не похоже, чтобы жена засадила его полностью. Скорее наоборот, бросила, едва начав. А ведь семян у них в достатке – мама успела позаботиться.

Рита и не собиралась отказываться:

– Я устала, у меня руки болят. Все пальцы этой штукой посбивала. – Она презрительно кивнула на валявшуюся в углу мотыжку с присохшими комьями земли.

– Но ведь все женщины этим занимаются. Это их работа.

– Только лесные в грязи ковыряются! Я – не лесная, я лучше сети плести буду!

– Зачем нам сети? – опешил Крис. – Мы не на Реке живём, у нас женщины репчатку...

– А я не хочу! – Рита вскочила с подстилки. – Не хочу в грязи ковыряться. Ты мой муж и охотник, вот и позаботься о пище!

– Как это? Мясо лесных зверей не едят.

– Какая разница? Если ты охотник, можешь добывать шкуры, выменивать на рыбу, на репчатку вашу дрянную, в конце концов. А я, когда придёт лето, буду в лесу ягоды собирать, грибы, эти, как их... орехи! Почему так нельзя?

Крис почесал затылок.

– Я не смогу столько шкур добыть, чтобы на год хватило. Всё равно огород сажать надо, так все делают. И Аня Чёрная, а она тоже с Реки пришла. Репчатка вкусная, ты привыкнешь...

– Не хочу!

Неожиданно Рита лукаво улыбнулась. Подошла, мурлыча, провела подбородком по его плечу.

– Крисик, миленький, я понимаю, одному тебе тяжело будет столько охотиться. Но есть же и другие мужчины, они помогут.

– С какой стати другие охотники нам шкуры отдадут? У них свои жёны есть.

– Но я же самая красивая у вас в посёлке. От меня не убудет, зато мы с тобой сможем больше отдыхать.

Лишь теперь Крис понял, на что намекает жена. Понял, но не поверил. Кровь хлынула к щекам от возмущения.

– Что?! Ты хочешь... Этим все речные женщины промышляют?

Рита, сообразив, что сболтнула лишнее, мигом отскочила назад.

– Нет, только самые красивые! Можно подумать, у вас женщины с одними мужьями любят! Можно подумать, я за зиму сплетен не наслушалась, и ничего не знаю! Да вот та же Фера! Её половина ваших мужчин перепробовали!

– Пусть так, – согласился с общеизвестным Крис. – Но шкуры с охотников она за это не требует. Такое и в голову никому не придёт!

– Потому что дуры!

Рита фыркнула, опустилась на топчан. Покосилась через плечо на стоящего в растерянности мужа. Объявила:

– Ладно, о других мужчинах я так сказала, к слову пришлось. Блудить я не собираюсь. Но и в огороде ковыряться не буду! Если хочешь, чтобы я тебе детей рожала, думай, как меня и их кормить будешь.

Придумать Крис не смог ничего. Потому на следующий день, вернувшись из лесу, взял мотыжку, семена, и отправился на огород. Соседи поглядывали удивлённо, но не спрашивали. Много есть странного в мире!

Правда, двумя днями позже в лесу во время привала Орест поинтересовался ехидно: «Красавчик, так я не понял, ты Речную в жёны взял или она тебя? Может, завтра она с нами в лес пойдёт, а ты уж бабскими делами займись, не отвлекайся?» Берт Безголовый гыгыкнул, но тут же заткнулся от увесистого тумака по рёбрам, отвешенного Мариком. Крис промолчал. Нет больше мамы Энн, не к кому обратиться за советом. За хорошим советом. Потому как Староста, Щербатый, даже Марик твердили одно: «Поучи хорошенько Речную, вся блажь у неё и пройдёт».

Огород он не успел посадить и до половины. Месяц поллейн принёс долгожданные дожди, тёплыми струями смыл остатки тумана, напитывая землю живительной влагой. Рита радовалась, словно ребёнок. Сбросила опостылевшую лесную одежду, обернула вокруг бёдер принесённую с Реки повязку и плясала, с удовольствием шлёпая по лужам. Крис любовался женой, и заботы о потерянном урожае отступали.

К концу поллейна Марик обзавёлся женой. Хорошей, доброй, покладистой. Единственно, в семейной жизни неудачливой. Элли была на год младше Толстяка, но так сложилось, что он оказался у неё третьим мужем. «Плохая примета», – шептались поселковые женщины. Но верить в бабские приметы мужчина не обязан, а пятимесячный Малькин сынишка Марика и вовсе не смущал. Не удивительно, если вспомнить, кто папаша ребёночка. Дети Охотника вырастали крепкими, здоровыми и смышлёными. А второй муж Элли... То, что Безголовый Берт когда-нибудь пропадёт по глупости, понимали все. Но не думали, что случится это так скоро, на восемнадцатом году его жизни.

В тот раз охотники отправились прочёсывать лес вдоль ведущей на запад тропы и севернее, до самых Топких Полян. Дело было долгое, опасное. Потому шли большой ватагой во главе с Тимом, охотником опытным, вторым по старшинству мужчиной в посёлке. Начинался день удачно. Вдоль тропы было чисто – пара молодых ленточников, по глупости пытавшихся загаться на почти голых ветвях чернолиста, не в счёт. А после полудня и дождь, несколько раз принимавшийся поливать лес, окончательно прекратился. В разрыв тучи выглянуло солнце, весело заиграло на мокрой траве, листьях. Тим выбрал место посуше и объявил привал – перед самой трудной частью работы следовало хорошо отдохнуть и подкрепиться.

Ели в основном молча, перебрасываясь редкими, скупыми фразами.

– Летом пахнет. – Тим растёр в руках молоденький листик, понюхал, зажмурился от удовольствия. – Слава Матушке-Земле, перезимовали, кажись.

– Да, лето все любят. – Орест вытер прилипшие к губам крошки, завязал сумку. – Особенно молодые бабёнки. Летом можно от щербатого мужа в лес убежать, дырку молодому стручку подставить.

Охотники с интересом повернули головы к старшим. Щербатый был мужиком умным, необидчивым. И шутить умел правильно. В отличие от Ореста.

– Что ты злой такой, а, Кривой? Верно говорят, нельзя охотнику долго без жены жить.

– Да лучше без жены, чем с блудкой. Опять свою Феру будешь из кустов выволакивать?

– Фера бабёнка молодая, потому и свербит у неё между ног. Я ей кулаком двину, на декаду утихомирится. Зато в постели сладенькая и деток здоровых рожает.

– Так ты же не знаешь, от кого они!

– Какая разница, все наши, зелёнохолмовские.

– А я бы выгнал!

– Ты бы выгнал... да гнать некого. Злой ты, потому и бабы от тебя шарахаются. Вон, Мила предпочла с Молчуном второй жить, чем с тобой первой.

Орест заскрежетал зубами, готовясь выплюнуть очередную гадость. Но Тим уже поднялся, предостерегающе махнул рукой.

– Хватит о бабах сплетничать, привал окончен! Впереди Топкие Поляны, место опасное, наверняка парочка пузырей там поселилась.

То, что они нашли на опушке полян, где рыжие стволы чернолистов подёрнулись сизо-зелёной плесенью от сырости, а под ногами чавкала предательская топь, было хуже пузырей. С ветвей свешивались большие серые коконы, – гнездовые отроившейся стаи шлейфокрылов. Взрослая самка и восемь молодых, недавно вылупившихся самцов. И ещё один кокон, не похожий на остальные: склеенные затвердевшей слюной тушки золотянок, рыжков, слепышей, куски разодранного ворчуна. И среди этого месива плоти – вырванные из суставов человеческие ноги, руки, выпотрошенный торс, не сразу разберёшь, мужской или женский, детское тельце с запрокинутой белобрысой головкой. Стая собрала неплохой запас на летнее межсезонье.

– Ах ты ж, болячка болотная! – Тим в сердцах цыкнул сквозь выломанные передние зубы. – Сколько вас налупилось за зиму! Да близко как гнездовые устроили. Совсем обнаглели, тварюги поганые.

Солнечный свет усыплял шлейфокрылов, делал беспомощными, лишь прочная кожа защищала их от зубов и когтей мелких дневных хищников. Но не от наконечников стрел, выплавленных из чудесного камня Древних! Охотники, не торопясь, смакуя сладкую мечь, расстреливали стаю, пока Щербатый не махнул рукой.

– Хватит! Думаю, все подошли. Теперь нужно кому-то наверх залезть, сбросить их вниз. И заодно срезать то, что они жрать собирались. Негоже мертвецов в таком виде оставлять.

– Берт наверх лезет! Берт – лучший лазальщик по деревьям!

Безголовый, не дожидаясь разрешения, сунул лук и колчан стоящему рядом Тэду и, ловко подпрыгнув, начал карабкаться по стволу чернолиста. Тим сплюнул досадливо, предупредил:

– Осторожней, там скользко!

– Берт – лучший лазальщик! – Безголовый уже был наверху и с интересом разглядывал содержимое кокона: – Дитёнок наш, я узнал! А второй... Это баба, только без головы! Не, не наша! У нас этой зимой крылы баб не уносили, тока дитёнок. Может, из Грибной Поляны? У неё родинка над пупком, никто не знает?

– Безголовый, ты на кой туда полез? – возмутился Орест. – Сбрасывай эту дрянь вниз! Быстро!

– Ага! Берт быстро всё сделает!

Безголовый подцепил ножом основание сплетённого из затвердевшей слюны кокона. Охотники внизу поспешно расступились. «Бац» – кокон шлёпнулся, разбрызгивая в стороны комки грязи и вонючую жижу. Что случилось в это время на дереве, не видел никто. Испуганно-удивлённый вопль – и Безголовый уже внизу, загребает ногами воздух, насаженный низом живота на длинный, остро обломленный сук.

– Берт... Берт... упал... скользко... Ти-им, больно! Очень больно внутри... – Он ещё попытался что-то сказать, но вместо слов изо рта хлынула, пенясь, кровь.

Вдовство Мальки продолжалось недолго. Понимая, что соперники найдутся, Марик выждал девять дней – срок, установленный Правилами, – и отправился к Старосте требовать жену.

Поллейн минул, а вместе с ним и затяжные весенние дожди. Туманы окончательно убрались на дальние лесные болота, солнце припекало почти по-летнему, и будто радуясь его живительным лучам, забушевала молодая зелень. На огородах пока что работы было мало – земля, обильно напитанная влагой, ещё не нуждалась в поливе, сорная трава лишь кое-где успела пробиться сквозь набирающую силу ботву репчатки и гороха. Зато лесная страда для женщин уже началась – месяц моджаль принёс редкий по щедрости урожай стеклянки. А мужчины, почистив окрестности от зимних тварей, занялись настоящей охотой.

Крису почему-то не везло. Всей добычи за две декады – шкурка рыжка, да пара слепышей. Позор! Это не шло в сравнение даже с корзинками стеклянки, регулярно приносимые Ритой. В отличие от огородных дел, возиться с ягодами жена не отказывалась. Сушила, давила на сок, но больше всего ей нравилось собирать эти упругие полупрозрачные шарики, выскидывать их на укромных лесных полянах. Каково же было изумление Криса, когда, вернувшись в очередной раз пустым из лесу, он увидел растянутую под навесом шкуру молоденького ворчуна. Потрогал недоверчиво – впрямь свежая, недавно сняли.

Рита возилась тут же за домом, ворошила сохнувшие на солнце ягоды.

– Шкура откуда? Орест подарил. – Пожала плечами в ответ на вопрос мужа.

– Орест? Подарил? За что? – не поверил Крис. Щедрость Кривого не укладывалась в голове. Вспомнился разговор месячной давности.

– Да, подарил, – настойчиво подтвердила Рита. – Он сам живёт, без семьи. Много ему нужно? А нам пригодится.

– Не мог Кривой за так шкуру отдать. Ни за что не поверю! Ты что с ним... блудила?

– Да что ты выдумал?! – Рита вскочила, возмущённо поджала губы. – Ни с кем я не любила, кроме тебя! Говорю подарил, значит, подарил!

Крис растерялся. В щедрость Ореста он всё равно не верил. Но возмущение Риты выглядело так искренне...

Два дня он старался убедить себя, что жена не врёт, а потом не выдержал. Сославшись на хворь в животе, остался дома. Терпеливо выждал, пока ватага женщин с корзинками скроется в лесу, и тайком отправился следом.

Пришлось сделать порядочный крюк, чтобы соседи не догадались, куда он идёт, так что ягодниц Крис догнал далеко от посёлка, там, где у основания невысокой гряды начинались овражки, тянущиеся к Каменцу. Стеклянка любила расти в укромных местах, среди прелой листвы, под защитой шипастых зарослей злобника. Ягодницы рассыпались по овражкам, только смех и весёлые возгласы подсказывали, кто где находится. Но голоса Риты слышно не было, сколько не прислушивался.

– Ой, да это Крис! – Из-за кустов на дне показалась голова вездесущей Феры. – А я думаю, кто там сверху топчется? Охотишься, да?

Она отбросила за ухо растрепавшиеся пряди светло-русых волос, улыбнулась лукаво.

– Ага. – Крис для убедительности снял с плеча лук.

– Понятно! Дичь дальше, возле реки пасётся. В камышнике.

– Какая дичь? – Он тоже неуверенно улыбнулся.

– Твоя, твоя, не сомневайся. А что за дичь, не знаю. На рыжка не похожа, на золотянку и подавно. Не наша. Должно быть, с речного края забрела.

Фера звонко засмеялась. Ответом ей послышался смех из соседних овражков. Чувствуя, что щёки становятся пунцовыми, Крис побежал кромкой оврага к речке. Смех давно смолк, и голоса остались позади, а ему всё казалось, что спину жгут насмешливые взгляды женщин.

Стенки оврага расступились, превращаясь в невысокий обрыв. Между ним и берегом речки стелилась каменистая отмель, заросшая сочным, ярко-зелёным камышником. Крис остановился, повертел головой, решая, куда идти. И почти сразу услышал чьё-то быстрое и шумное дыхание. И ещё вскрики иногда. Крадучись, двинулся на звук.

Рита стояла голая, упираясь руками в ствол росшей посреди камышника трещотки. Такой же голый Орест прижимался к её оттопыренной заднице. Пальцы парня сами собой сжались в кулак. Нет, так нельзя, не годится затевать сейчас драку! Он взрослый охотник, не может нарушать Правила, – драться из-за бабы. Крис попятился. Стараясь не оглядываться – а голова сама, нет-нет, да и норовила повернуться в ту сторону, где всё ещё слышен был визг, – вскарабкался вверх по склону. Огляделся, убедился, что никого нет вокруг, и напрямик, не разбирая дороги помчался к посёлку.

Рита вернулась ближе к полудню. По обыкновению, мурлыча что-то, поставила корзинку с ягодами, присела рядом с мужем, нежно коснулась пальчиками плеча.

– Крисик, как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

– Да, теперь мне хорошо. Теперь мне очень хорошо! – Не в силах сдержать ярость, он перехватил её руку, резко вывернул в суставе. – Теперь я точно знаю, что моя жена – блудка!

– Ай! Ты что, мне больно!

– Больно?! А знаешь, как мне было больно слушать твой визг и смотреть, как ты Кривому задницей подмахиваешь?

Размахнулся, саданул ладонью по подлomu личику. Удар отбросил Риту на пол, из носу брызнули капельки крови. Но Крис уже завёлся. Подскочил к жене, дёрнул за короткие тёмные волосы, заставляя приподняться.

– Больно, да? Правильно мне говорили, что поучить тебя надо! Я думал, что ты меня... а ты... а ты... ты вонючая речная тварь! Эх, какой же я дурак был! Джула в десять раз лучше тебя!

Он готов был хлестать ещё и ещё по ставшему вдруг ненавистным лицу. Если бы Рита попробовала сопротивляться! Но она вместо этого жалобно заскулила.

– Крисик, миленький, пожалуйста, не выгоняй меня! Куда я пойду? Со мной никто водиться не хочет. Я не думала, что здесь всё будет таким чужим. Правильно, что ты меня бьёшь – я блудка, знаю! Но ведь меня всё рано в посёлке ненавидят! Всё равно будут обо мне гадости рассказывать! А с Орестом я согласилась любиться не потому, что он мне нравится. Он специально делает, чтобы мне больно было. Но он же шкуру принёс! И ещё принесёт. Для нас! Я же вижу, как ты надрываешься и на охоте, и дома. Хочешь, чтобы мы лучше жили, а я как тебе помогу? Не одними же ягодами! Если бы мы на Реке жили, я бы сети отремонтировала, рыбу вялила, рассол готовила. Я умею, меня мама всему научила. А здесь? Я не привыкла в ваших проклятых огородах ковыряться! Я за три дня все пальцы в кровь сбила. Ноготь сорвала до мяса! Так что, из-за этого я хуже, чем другие жёны? Чем Джула твоя? Я не хуже! Я красивее всех женщин в посёлке! Каждый мужчина захочет со мной любиться! Почему я не могу этим заработать? Что, меня убудет?

Крис растерялся. Выпустил волосы, отступил. Жена уткнулась лицом в кулачки, зарыдала громче.

– Крисик, миленький, я же для нас старалась. Бей меня, если хочешь, только не выгоняй! Пропаду я здесь...

Крис поиграл желваками. Посмотрел на руки. Большие, сильные. Девчонке с одного удара лицо разбил, молодец! А осенью на Длинном Озере не думал, каково ей будет в незнакомом краю? Конечно, не думал! Ни о чём тогда думать не хотел. Так сейчас навёрстывай, а не кулаками маши!

– Не пропадёшь, – буркнул он хмуро. – Ничуть у нас не хуже и не тяжелее жить, чем в речном краю. Просто немного по-другому. Привыкнешь за лето. А там деток рожать начнёшь, поселковые своей и признают.

– Так ты... меня не выгонишь?

Рита робко подняла голову. Багровый кровоподтёк расплзался по её левой скуле.

– Куда я тебя выгоню? Не к Кривому же. Этот гад, что, бил тебя?

– Крисик, ты самый лучший! Я для тебя всё, что хочешь сделаю! – Рита подползла к нему на коленях, прижалась щекой к ноге. – А Орест, он хуже, чем бил. Знаешь, как он любит с женщинами?

– Прекрати! И знать не желаю! Верни ему эту паршивую шкуру и впредь не смей таким заниматься!

– Крисик, послушай. – Рита облизнула губы, во взгляде её страха уже не было. – Шкуру я ведь почти отработала. Всего три разочка осталось. Жалко же возвращать – что я, зря терпела? И шкура не паршивая, хорошая. На неё можно пять больших корзин репчатки выменять.

Крис сморщился, словно от зубной боли. Махнул обречённо рукой.

– Поступай, как хочешь!

Знать, что твоя женщина блудит с кем-то – тем более, с Кривым! – было мерзко. Несколько дней Крис жену игнорировал. Старался отодвигаться на край топчана, чтобы не прикоснуться лишний раз, и немедленно пресекал всякие попытки ласк. Но плоть жила по своим правилам, вынуждая выбирать – либо пользуйся собственной женой, либо чужой. Фера не отказала бы, но прятаться по кустам Крису было противно.

А затем случилась беда.

Глава 4. Скинны

В тот раз Крис уговорил Марика забраться подальше на север, с ночёвкой в лесу. Толстяк долго капризничал, выискивая причины для отказа. Согласился лишь, когда решили идти вчетвером, с Тимом и Малышом Робиком. Жалеть не пришлось – загнали матёрого ворчуна и мелочи всякой набили. Но и вымотались они к вечеру второго дня предостаточно. Домой возвращались, еле ноги передвигали.

Суету у своего дома Крис заметил, едва вышли из рощи кислиц. А когда приблизились к холму, навстречу сорвался Тимов старший. Закричал на бегу:

– Крис, Крис! Иди скорее! Там Речная помирает!

Мигом забыв об усталости, Крис рванул к хижине.

Рита лежала, накрытая до подбородка пончо, только левая рука снаружи. Вернее – культя, завёрнутая в измазанную красным тряпку. А рука, обрубленная чуть не по локоть, валялась в стоящей рядом миске, до половины заполненной кровью. Пятна крови были на полу, на подстилке, на руках сидевшей в изголовье Ани Чёрной, Докторши теперь, после смерти мамы Энн. И воздух в доме пах кровью. Да ещё – какими-то травами и дымом от недавно растопленного очага.

– Хорошо, что успел. А то я боялся, что мне придётся. Не люблю такими делами заниматься. На! – Рик Борода шагнул к Крису, протянул нож. Спихнулся: – Нет, твой поострее будет. Ладно, не нужен я больше здесь.

Поспешно выскользнул за дверь. А Крис испуганно обвёл глазами оставшихся – Докторшу, Феру, сестрёнку Тину.

– Что случилось?

– Её носач укусил за руку, – ответила Аня.

– Где?! – охнул Крис. – Почему яд сразу не остановили?

С носачами люди старались жить мирно, по-соседски. Проку от маленькой серой шкурки не было никакого, питались зверьки всякой дрянью – многоножками, личинками древоеда, слизнями, – на человеческую пищу не зарились. Наоборот, в окрестностях их нор можно было собирать грибы, ягоды, орехи без опаски наткнуться на затаившегося ленточника. И не нападали на людей зверьки никогда, уступали дорогу. Разве что огрызнуться могли, когда сам, зазевавшись, не заметишь в прелой листве серую спинку и ткнёшь в неё рукой либо ногой. Тогда следовало не мешкая сделать надрез, высосать яд вместе с кровью и прижечь ранку огнём или горячим железом. Если не оставлять яд надолго в крови, то для человека он был не опасен. Однако если оставить... Вскоре в месте укуса проступала сыпь, мелкие розовые пятнышки, как бывает, когда лист крапчатки заденешь. Но эта сыпь не проходила сама собой, а расплзлась по коже. Начинало знобить, словно болотная хворь прицепилась. Потом яд пробирался в голову и выжигал всё, что там есть.

– Я не знала! – кривясь от боли, то и дело всхлипывая, Рита попыталась оправдаться. Как будто Крис винил её в случившейся беде. – У нас такие не водятся. Я стеклянку рвала, сунула руку в куст, а он там сидит. Маленький, почти как золотянка. Я и не видела даже! Руку отёрнула, смотрю – след от укуса. Подумала, что само пройдёт.

– Что же ты никому не сказала?!

– А она одна в овражках осталась, – с готовностью начала объяснять Фера. – Специально, чтобы не видели, с кем блудить будет. Думаешь, один Орест у неё между ножек пасётся? Пфе! Видно, торопилась корзинку набрать, вот и не смотрела, куда руку суёт. Поделом!

– Рот прикрой! – Докторша грозно глянула на разговорчивую соседку. – А лучше иди-ка отсюда.

Фера возмущённо фыркнула, но перечить Докторше не посмела. В дверях оглянулась.

– Если какая помощь понадобится, зовите.

Обращалась вроде бы ко всем, но смотрела при этом на Криса. Когда дверь за ней закрылась, Аня пояснила:

– Рита ко мне пришла, когда сыпь увидела. Да пока я выпытала, что случилось. Надежда была, что яд только в руке, что с кровью выйдет... Зря мучила девочку.

Она осторожно загнула край пончо. Пятнышки покрывали плечо, грудь, шею. Больше слов не требовались – и так понятно, что жить Рите осталось всего-ничего. Скоро она начнёт кататься по полу от нестерпимой боли, не помня себя и не узнавая никого вокруг. Потому Борода и протягивал нож.

Докторша отодвинула в сторону пончо, посмотрела на Криса, спросила:

– Нам выйти или остаться? Как для тебя сподручнее?

Рита поняла, о чём речь, заскулила громче. Пальцы уцелевшей руки вцепились в подстилку на топчане.

– Крисик, миленький, сделай что-нибудь! Я не хочу умирать!

Аня ласково коснулась её головы, убрала спутанные пряди наверх.

– Не бойся, девочка. Твой муж хороший охотник. Он всё сделает быстро, больно не будет. Ты просто заснёшь.

Рита всхлипнула. Закусила губы, зажмурилась, послушно запрокинула голову, подставляя шею. Шея была такой тоненькой, беззащитной. Голубая жилка пульсировала едва заметно. Как раз в том месте, куда надо... Крис потянул нож из чехла, к горлу подкатил колючий комок.

– Аня, но ведь в голову яд не попал? – Он попытался ухватиться за соломинку. – Может, есть какое лекарство?

– Ты же видишь – кровь испорчена. Нет от этого лекарства.

– А кожа?! Кожа лечит все болезни!

– Ты уже взрослый, чтобы верить в сказки. Кожа не лечит, она лишь добавляет человеку силы, чтобы бороться с болезнью.

– Какая разница?! Если мы наденем на Риту кожу, она не умрёт!

– Не умрёт. Но испорченная кровь так в жилах и останется. Снимем кожу, и болезнь вернётся.

– Аня, моя мама была Докторшей! Я видел, как лечат болотную хворь, другие болезни. Рано или поздно, на место дурной крови приходит хорошая. Разве я не прав?!

– Прав. Но это не болотная хворь. Нужно очень долго носить кожу, пока вся кровь не заменится. Два месяца, или три, я не знаю. За такое время кожа потеряет почти весь свой багрец. А если кто заболит? На охоте поранится? Что потом делать? – Она покачала головой. – Нет, Крис, Староста не согласится.

– Но в посёлке есть и другие кожи! У мамы Энн была, у Щербатого Тима...

Докторша нахмурилась.

– Крис, ты что говоришь? Те кожи уже старые. Их нельзя надевать на такой долгий срок, а то мало ли... Лучше умереть, чем такое!

Крис знал. «Кожа прирастёт к тебе, и сам превратишься в хоку». Сколько в этом сказки, а сколько правды, не ведал никто. Однако случаи, когда надевшие кожу уходили неизвестно куда, на памяти жителей Зелёнохолмья были. И никто не предпочёл бы такое смерти.

Но Крис ещё цеплялся за призрачную надежду.

– Любую старую кожу можно обновить багрецом.

– Где он, этот багрец? – отмахнулась Докторша. – Только в старых сказках и остался. Я и не видела его никогда. И никто не...

– Я видела, – вдруг подала голос Тина, до этого тихо сидевшая в углу. – У Охотника есть.

– У Охотника? – Докторша удивлённо оглянулась на девочку.

А Крис уже понял. Разумеется, у Охотника должен быть багрец! Иначе как бы он добывал skins, чтобы платить за жён?

– Но у него нужно уметь просить, он странный, – продолжала девочка. – Мне багреца не даст.

Крис смахнул со лба выступившую испарину.

– Я сумею! Аня, я достану багрец! Прошу, одень на Риту поселковую skinу, пока я другую принесу. Я быстро!

Докторша неуверенно покачала головой.

– Если так... Всё равно с неё глаз нельзя спускать ни днём, ни ночью. Я тебе в этом не помощница.

– Я помогу, – опять встряла Тина. Улыбнулась брату. – Так уж и быть, понянчу твою Речную. Кто тебе пособит, если не родная сестра?

Домик Охотника прилепился у самого берега ручья. Потемневший, не ухоженный. Видно, хозяин за все годы палец о палец не ударил ради своего жилища.

Дверь отворила Салли, удивлённо уставилась на неожиданного гостя. Крис прокашлялся.

– Доброго вечера! А муж...

– Дома я! – голос из глубины комнат оборвал его вопрос. – Кого там принесло?

– Это Крис Красавчик.

Белянка неуверенно отступила в сторону. Почему-то была она в одной юбке, без лифа. Крис невольно скользнул глазами по высокой полной груди. Тотчас отвернулся – нехорошо на замужних женщин пялиться.

Охотник сидел за столом, мастерил что-то из железок, деревяшек, кусочков кожи и обрезков жил. Впрочем, когда Крис вошёл в комнату, работу он отодвинул и пристально уставился на гостя.

– Красавчик, значит? Ко мне за какой надобностью пожаловал?

Не дожидаясь приглашения, парень опустился на подстилку.

– Попросить у тебя хочу одну вещь. Багрец.

– Ого! – Хозяин покачал головой. Непонятно – насмешливо или удивлённо. – Много?

Крис растерялся. Пожал плечами.

– А сколько надо, чтобы старую skinу обновить?

– Это ты жену затеял лечить, что ли, которую носач покусал? Брось, не стоит она того. Дрянь бабёнка. Глупа и блудлива.

– Моя жена, мне и решать, хорошая или плохая! – возмутился Крис.

Сказал бы и резче, если бы не острая нужда привела в дом этого человека. А так – приходилось сдерживаться.

– И то верно, – неожиданно легко согласился Охотник. – Столько багреца у меня есть конечно. Но багрец – вещь ценная. На что ты готов его поменять?

– Да на что угодно! Вот. – Парень выложил на стол нож. – Это лучший нож в посёлке. Настоящий, из Города Древних.

Хозяин взял оружие, поднёс к глазам, понюхал зачем-то, лизнул лезвие. Вернул обратно.

– Правда, хороший нож. Настоящая сталь, не подделка. Может, и стоит багреца. – Он хитро прищурился. – А может, и нет. Лезвие проверить нужно.

– Давай проверим. На чём?

В ноже Крис не сомневался. Взвесил оружие на ладони, обвёл взглядом комнату, выбирая, в какой из столбов-подпорок метнуть, чтобы не расколошматить хозяйскую утварь. Охотник следил за ним, едва заметно улыбаясь. И вдруг предложил, когда взгляд гостя скользнул по забившейся в угол женщине:

– А на Белянке и попробуй. – Поманил жену пальцем: – Снимай одежду и иди сюда!

Салли метнула сердитый взгляд на мужа, но команде подчинилась. Стянула юбку, швырнула на скамью, неспешно подошла к мужчинам. Крис настороженно покосился на её голый торс. Что это затевается?

– Сможешь сидя, одним ударом снизу-вверх рассечь ей пузовину от шёрстки до самых рёбер? – как ни в чём ни бывало спросил Охотник. – Если нож настоящий, должно получиться.

Крис ошеломлённо уставился на него, затем на женщину. Беянка стиснула зубы и мелко вздрагивала. Но отстраниться не пыталась, наоборот, положила руки на бёдра, выпятила живот, словно подставляла его под удар. Да что здесь творится?!

Он вскочил, заорал на Охотника:

– Ты... ты... ты людей убиваешь?! Я всем расскажу, всему посёлку! Знаешь, что с тобой за это сделают?!

Он ожидал чего угодно. А Охотник захохотал, даже слёзы брызнули из глаз. И Салли фыркнула, окончательно сбив с толку.

Отсмеявшись, хозяин вытер кулаком слёзы, покачал головой.

– Ты глупее, чем кажешься. Разве я убивать Беянку предлагал? Она и то поняла, что кроме боли, ничем ей твой ножик не грозит. Умишком пораскинь, к кому ты пришёл и зачем? Что ж ты думаешь, у меня здесь skins нет? Рана на пузе за декаду затянулась бы.

Крис растерянно оглянулся на женщину. Та кивнула чуть заметно, мол, давай, режь, я вытерплю, если надо. Но Охотник заметил её кивок.

– Нет, поздно! Не сообразил, значит, не сообразил. А ты чего выставилась? Иди, делом займись. И ты иди, Красавчик. Ножик твой мне не нужен, я тебя проверить хотел. Думал, и впрямь, любишь Речную, на всё ради неё готов. А у вас баловство одно. Выходит, нечего и воду мутить, не суждено ей жить дальше. Полосни её своим ножичком по шее, чтобы не мучилась, и новую девку в жёны присматривай. Да внимательней будь, во второй-то раз!

Найгиль пришёл на смену моджалю, и лето окончательно вступило в свои права. Солнце теперь палило немилосердно, будто стремилось выжечь воспоминание о зиме. Гороховые стручки налились, пожелтели и перекочевали в корзины хозяйек. Следом пришла очередь репчатки. Ей весенней влаги было маловато, женщины занялись поливкой. А мужчины валили деревья, тесали брёвна, распиливали на доски. Дни в найгиле длинные, солнечные, сухие. Самое время приводить в порядок жилища, заготавливать дрова.

У Криса руки не доходили заняться домом, хотя крыша, да и стены нуждались в ремонте. И очаг следовало бы переложить. Но времени на это не оставалось – он боялся оставить Риту без присмотра даже на миг. Каждую ночь дежурил, сидя у изголовья, а днём, когда приходила Тина, пытался ещё возиться в огороде, притащить из ближнего леса дров.

Марик без возражений отдал скину, принадлежавшую когда-то маме Энн. Была та в самом деле старая, прозрачная, давно растерявшая весь свой багрец. Но силы не утратила, и то хорошо. Культя у девушки затянулась быстро, и двух декад не прошло. Потом отпустила боль, Рита начала вставать, пыталась работать по дому. Смеялась, что однорукой уж точно на огороде не справится. И уже не сомневалась, что пронесло, что верная смерть прошла стороной. Но Крис в этом уверен не был. Не зря ведь люди старых скин опасаются.

Когда случилось впервые, он не понял сразу, что это. Как раз кроил «подаренную» Кри-вым шкуру, Рита сидела рядом, лущила горох, болтала всякие глупости. И вдруг умолкла. Крис поднял глаза и увидел, что жена замерла, сжав в пальцах стручок, неподвижно уставилась куда-то вдаль.

– О чём задумалась? – спросил. – Рита! О чём задумалась, спрашиваю? Реку вспомнила? Жена не отвечала, словно и не слышала. Он потянулся через стол, дёрнул за руку.

– Эгей! Ты меня слышишь? Да что с тобой?

Бесполезно. Холодок побежал по телу от догадки. Крис вскочил, уложил жену на топчан, содрал одежду и тонкую плёнку, обтягивающую тело. Только после этого Рита очнулась. Удивлённо посмотрела на него.

– Я что, заснула? А почему я голая? И без кожи!

– Не вечно же её носить.

– Ой, я уже здоровая?

Она внимательно оглядела грудь, культю. Розовые пятнышки потускнели, но не исчезли. Крис с сожалением покачал головой.

– Не совсем. Тебе что-то снилось?

Девушка сосредоточенно наморщила лоб.

– Да, снилось... Не могу вспомнить, только туман.

К вечеру болезнь обострилась, пятна налились краснотой, вернулся озноб. Пришлось вновь обтягивать Риту кожей.

После этого случая оставлять плёнку на теле жены надолго Крис не рисковал. Первое время снимали раз в три дня, затем – через день, затем – ежедневно. А приступы случались снова и снова. Это походило на замкнутый круг. Чем чаще снимали кожу, тем медленнее шло выздоровление. Или не шло уже, и яд медленно, но верно возвращался в кровь? Рита тоже поняла, что с ней происходит. Сникла, почти не разговаривала. Целыми днями лежала на топчане, теребя в руке принесённую из дому повязку. Или отворачивалась к стене и тихонько плакала.

И Крису хотелось плакать. От собственной беспомощности, от разговоров соседей, которые давно считали его вдовцом. Хотелось плакать и кричать им в лицо: «Рита живая, вы что, не видите?!» Но он был мужчина, взрослый охотник, он не мог этого сделать. А соседи вовсе не были злыми. Они вели себя так, как предписывали Правила.

Во второй декаде клеоля жара отступила. Западный ветер принёс тяжёлые серые тучи, опять пошли дожди. Не весенние обложные, полошущие сутками, а короткие тёплые ливни, что обрушиваются на землю под вечер. На открытых местах к следующему полудню солнце успевало высушить лужи, но в лесных зарослях тут же стало сыро.

Рита исчезла ночью. Вроде бы спала, но стоило Крису выйти по нужде за угол, – топчан оказался пуст. Сначала подумал, что жена вышла за тем же, что и он. Сидел, ждал. А следовало сразу искать, потому как когда понял и выскочил на улицу, её поблизости уже не было. И как специально, Большая Луна не могла пробиться сквозь плотную пелену туч! В такую ночь человек будто слепой.

Крис излазил весь посёлок, заглядывая в каждую щель, оббежал огороды, а дальше что?! Сообщить Старосте, поднимать охотников, прочёсывать ближний лес? Наверняка они успеют перехватить беглянку. Успеют...

Крис резко остановился у самого порога дома Старосты. Все в посёлке считают, что Рита умерла, а глупец-муж растягивает её агонию. И если она убежала, значит, старая кожа проснулась, как и говорится в Правилах. Первый, кто заметит беглянку, не задумываясь, пустит в неё стрелу, – и чтобы оборвать мучения, и чтобы назад не вернулась хокой. Нет, нельзя поднимать людей. А сам он Риту не отыщет в бескрайнем лесу...

– Доброго утра! Ты что в такую рань по посёлку шныряешь? Случилось чего?

Заспанная физиономия Марика высунулась из окошка башенки на крыше Ратуши. Крис вздрогнул – как он мог забыть о дежурном? Хорошо, что сегодня очередь Толстяка! Другой давно бы заметил Крисово мельтешение и догадался, что произошло. Тогда облаву на Риту начали бы без всяких просьб.

Он подошёл к Ратуше.

– Так чего случилось? – Марик сладко зевнул. Замер с открытым ртом. Догадался. – Речная что... в хок превратилась?

– Не кричи! Ты что глупости городишь? Кто видел, как надевшие скину в хок превращаются? Они просто уходят.

– Так она ушла?! Что ж ты стал, беги к Старосте, сейчас я в железо ударю!

И колотушку схватил, Крис едва успел остановить его:

– Не бей! Мы Риту сами найдём.

– Кто это «мы»?

– Мы с тобой. Может, Тэд согласится помочь.

– Да брось! Лес большой, втроём не прочешем. Всех поднимать нужно.

– Ты что, не понимаешь? Они её убьют. А мы – догоним и вернём. Надо только снять скину.

Марик поёжился.

– Скажешь тоже, снять. А если...

– Не сочиняй! Я её сколько раз снимал. Ничего страшного не случилось! Рита почти выздоровела, понимаешь? Я её почти вылечил!

Толстяк колебался.

– Я ведь на дежурстве...

– Рассвет уже. Пока я за Тэдом сбегая, к тебе смена придёт. И сразу в лес двинем.

Тэд согласился неожиданно легко и быстро. Как-то обречённо кивнул, выслушав рассказ товарища, и пошёл готовить лук, собирать сумку в дорогу. В последние месяцы он сделался ещё более замкнутым и молчаливым. Будто присутствие двух молодых женщин под боком его не радовало, а наоборот, угнетало. Весной Марик пытался расспрашивать, в чём дело, но не добившись ответа, рукой махнул. Молчун, он и есть Молчун. А Крису своих забот хватало.

В ближнем лесу Риту они не нашли, как ни старались. Невозможно каждый кустик проверить! Марик скис, принялся уговаривать вернуться в посёлок, признаться, пока не поздно. Понимал, что накажут в первую очередь Крису, но и им с Тэдом достанется. Самое меньшее – устроят публичную порку на площади. Больно и позорно для взрослого охотника.

– Поздно возвращаться, – Крис отбросил доводы сводного брата. – Тина к нам каждое утро приходит. И сегодня пришла наверняка. Догадалась обо всём, когда увидела, что Риты нет. Скорее всего, охотники уже идут по нашему следу. Так что давайте вперёд двигать.

– Куда «вперёд»?! Где мы её искать будем? Мы же не знаем, куда она идёт!

– Ясно куда, на Запретные Озёра. А туда одна дорога – вдоль тропы от Каменобродья на Мокрый Лес. Севернее – топи непролазные. Так что выйдем к мосту через Гнилушку, и будем ждать.

– Да ты что?! – Марик скривился. – Это же полтора дня пути.

– В лесу заночуем, впервой, что ли? А утром выйдем к Гнилушке. Мы, три охотника, по любому доберёмся туда быстрее, чем девушка, к тому же больная.

– Риту скина ведёт, – подал голос Тэд. – Она может без отдыха идти, а мы нет.

Тэд был прав. Но согласиться с его словами значило признать поражение. Крис упрямо стиснул зубы.

– Всё рано мы успеем перехватить её у моста!

До развилки на Каменобродье они шли по тропе. Потом – напрямик, сквозь рощи трещоток, по пустошам и дальше, по незнакомому лесу, срезали угол. Крис гнал товарищей вперёд, не позволяя сделать привал, передохнуть. Даже когда солнце скрылось за стеной леса на западе, упрямо продолжал идти.

Каменистый водораздел остался далеко позади. Теперь они шли сырыми низинами, то и дело перебираясь через мёртвые гнилые стволы чернолистов. Мокрые, вывалявшиеся в грязи, злые от усталости.

– Ёш твой пень! – Оступившийся Марик по колено завяз в чавкающей жиже. – Крис, стой! По-моему, мы в болото идём.

Парни обессилено плюхнулись на рухнувшее когда-то дерево. Видно, в самом деле, в спешке взяли правее, чем следовало. В незнакомых местах, да ещё ночью, заблудиться – раз плюнуть. Пора было делать привал. Плохо, что костёр не разведёшь из-за сырости. Они кое-как устроились на ветвях упавшего дерева, попробовали спать по очереди. Крис думал, что заснуть вообще не получится, но стоило посидеть неподвижно, как глаза сами собой начали закрываться. Терпел, сколько мог, затем разбудил Марика.

...Вопль Толстяка выдернул из чёрного небытия сна так резко, что Крис, не удержался, полетел вниз, в липкую грязь. Марик был уже здесь. Стоял на четвереньках и орал, задрал голову, а вокруг клубился серый в предрассветном сумраке туман. На фоне этой серости чётко вырисовывался человеческий силуэт. Нет, не человеческий. Хока стояла в трёх шагах от них, смотрела на верещащего Толстяка.

Первая мысль была – «лук?!». Луки остались на дереве, к ним не успеть. Вторая – «Тэд?» Молчун был здесь, стоял шагах в десяти, беспомощно раскрывая рот.

Внезапно крик оборвался. Будто ужаленный, Марик подскочил и прыжками, не разбирая дороги, помчался вглубь леса. Это было как сигнал. Крис бросил Молчуну: «Не стой! Бежим!» – рванул следом за братом.

Вроде бы они бежали туда же, куда и Толстяк, но догнать никак не получалось. А под ногами чавкало всё звонче и противней. Крис понимал, что несётся напрямиком в болото, но остановиться не мог. Ужас, накопленный многими поколениями, сам переставлял его ноги. «А!» – не заметив в серой мгле корягу, грохнулся с разбегу, зарылся лицом в болотную жижу. Приподнялся, отплёвываясь и протирая глаза, и тут впереди громко чавкнуло. Тэд, вырвавшийся вперёд, ухнул в трясину по грудь. Забарахтался, пытаясь выбраться, но липкая грязь не выпускала. Закричал:

– Крис, помоги!

Крис шагнул было к другу, но поверхность под ногой стала предательски прогибаться. Ближе не подойти. И вокруг лишь голые скользкие стволы чернолиств – до веток не дорёшься.

Всё же он нашёл, отломил ветку у мёртвого повалившегося дерева. Пока отламывал, пока бежал назад – друга успело затянуть почти по шею.

– Держись крепко!

Тэд уцепился, попытался карабкаться, перебирая руками по дереву. Крис осторожно потянул, повторяя заклинание: «Только бы не сломалась, только бы не сломалась!» Всё происходило, словно в кошмарном сне. Крис который день жил в нём. Болезнь Риты, её исчезновение, бег по лесу, болото, хока, трясина. Он хотел проснуться, вырваться из этого кошмара, вернуться к обыденной жизни. Не мог. И понимал, что следующая беда обязательно случится.

Ветка хрустнула. Тэд едва охнуть успел, как трясина всосала его назад. Руки задёргались, судорожно хватаясь за обломок ветки, но голова уже исчезла под слоем вязкой жижи.

– Тэд! – крикнул Крис в след... никому.

«Зачем же вы в трясину побежали, глупенькие?» – тихо спросил кто-то. Он резко обернулся и почувствовал, что ноги деревенеют. Хока стояла над ним и смотрела удивлённо и недоверчиво. «Ты услышал меня?!»

– Что услышал?! Кого услышал?! Не трогай! Не подходи! Я... я...

Хока неожиданно дёрнулась, скривилась от боли. Начала терять очертания, расплываться белым облачком. К ногам не успевшего ничего понять Криса упала стрела. А в следующий миг из тумана выступили двое – Охотник и перемазанный в грязи, донельзя испуганный, но живой Марик.

– Ты цел? – Охотник хмуρο оглядел его, помог встать. – А третий ваш где?

– Тэд... он... он...

– Хока?

– Нет, он в трясины упал.

– Доигрались недоумки, мать... – Охотник выругался запрещёнными словами. – Хорошо, я успел, не то все бы здесь подошли.

– Ты за нами шёл? Откуда ты узнал?

– От Пятнистой, откуда ещё! Еле выследил вас в этих топях. Спасибо, толстый на всё болото заверещал. Прямо как ворчун-полугодок под ножом.

– Ага! – Марик зашмыгал носом. – Кто бы не испугался? Я отдежурил честно свою смену, потом Тэда разбудил. А что после случилось, не знаю. Может, он отлить пошёл? Проснулся оттого, что меня за плечо трясут. Открыл глаза – мама родная! Хока надо мной стоит, смотрит и руку протягивает! Не помню, как внизу оказался! Она что, меня выпить хотела?

– Она разговаривала с тобой, – ответил за Охотника Крис. – И со мной.

– Кто разговаривал? – Охотник удивлённо посмотрел на него. – Это ты сам орал: «Не трогай меня, не трогай!» Хоки говорить не умеют, уж поверь. Я их столько за свою жизнь повидал!

Глава 5. Странник

В посёлок они вернулись под вечер. Крис сразу ушёл к себе в дом, заперся и упал на топчан, спать. О завтрашнем дне думать не хотелось. Пусть будет, что будет. Всё равно Риту он так и не спас. Любил ли Речную по-настоящему, как говорил Охотник? Наверное, нет. Но беспомощно вытянувшаяся на топчане девушка с пульсирующей голубой жилкой на шее стояла перед глазами...

Встать Криса заставил настойчивый стук в дверь. Давно наступил новый день, а он всё не решался выползти из своей норы. Но теперь деваться некуда, пришлось открывать. Уверен был, что явились охотники вести его на Суд в Ратушу, и, увидев на пороге одну Джулу, обрадовался. Но тут же сообразил, что по его вине сводная сестра овдовела. Потупился, кивнул, отступил вглубь комнаты.

Джула вошла, осмотрела жилище. Как-то так получилось, что не заглядывала ни разу по соседски, пока Рита здесь жила. Возможно, именно потому и не заглядывала?

– Ты хоть ел сегодня что-нибудь? – спросила.

– Я не голоден.

– В Ратуше мужчины обсуждают, что с тобой делать. Орест предлагает выгнать из посёлка. И многие согласны. – Джула замолчала, дожидаясь ответа. Не дождалась, вздохнула. Снова заговорила: – Мы с Милой ходили к Старосте просить, чтобы позволил тебе остаться. Чтобы ты жил с нами... вместо Тэда. Он согласился, обещал уговорить остальных.

– Зачем? – удивился Крис. Такого он не ожидал.

Джула пожала плечами.

– Ты же знаешь Правила. У каждой молодой женщины должен быть муж.

– Разве мало охотников в посёлке? Вон, Кривой год без жены живёт, думаю, не откажется.

– Мила не хочет быть женой Ореста. Я и подавно.

– Как знаете. А просили вы зря, я уйду из посёлка. Не хочу больше здесь оставаться.

– Почему?!

Крис провёл пальцами по бревну. Почему? Если бы знать...

– Вчера на болоте я вдруг понял... или раньше, когда Риту пытался вылечить и не мог? Не знаю, как объяснить словами... Вся моя жизнь – и не только моя! – будто плохой сон. День сменяет ночь, лето – зиму, а всё остаётся по-прежнему. Мы только и делаем, что пытаемся выжить, родить детей, вырастить их. У кого-то получается, у кого-то нет. А в конце за теми, кто выжил, приходят хоки. И всегда так было! С нашими родителями, с родителями родителей, – всегда! Почему? Зачем?

Джула посмотрела на него растеряно.

– Но ведь это жизнь. Как по-другому?

Крис на миг задумался. Признался:

– Я не знаю. Если бы у меня был огненный лук, как у Вика, я бы пошёл к Запретным Озёрам и разобрался, что к чему. Зачем хоки выпивают людей? Почему каждую зиму приходит туман, и мы нос не можем высунуть из своих домов? Почему летом мы сами не идём на Западные Болота, чтобы перебить всех тварей, что там прячутся? Почему мы всего боимся? Ленточников, шлейфокрылов, пузырей, хок! Даже скин, которыми друг друга лечим! Почему мы не вернём себе могущество Древних?

– Крис, ты как ребёнок! – Джула улыбнулась, шагнула к нему, протянула руку, пытаюсь погладить по волосам, как когда-то. – Это же сказки. Никакого огненного лука не бывает, а Древние...

– Не бывает?! – Крис увернулся из готовых обнять рук. Метнулся к стене, выдернул из висящей там перевязи нож. – Смотри, этой штуки тоже «не бывает»?

Не давая ответить опешившей девушке, бросил нож на топчан, выдернул из колчана несколько стрел, потряс чёрными матовыми наконечниками перед её лицом.

– И этого? И тех цветных светящихся кубиков, что женщины любят вставлять в ожерелье? И белой блестящей косынки, которой Аня Докторша завязывает волосы, «не бывает»? Откуда взялись эти вещи, а? Мы же не умеем их делать?

– Из Города Древних... – неуверенно прошептала Джула.

– Ага! Значит, Город Древних «бывает»! И есть Странник, знающий к нему дорогу, да? И хоки именно такие, как о них рассказывают. Я вчера видел одну собственными глазами, близко, как тебя сейчас. И есть багрец! Есть карта в Ратуше, на которой нарисован наш край. А ведь с самого высокого дерева нельзя увидеть его целиком, от Глиняной Долины до Длинного Озера. Разве что подняться в небо на железном крыле, как Вик.

Крис перевёл дух. Продолжил:

– Нет, Джула, это не сказки, это правда. Просто мы не хотим в неё верить. Так ведь проще – жить одним днём, соблюдать Правила и ни о чём не думать. Слово мы не люди, а слепыши!

Девушка испуганно оглянулась на дверь.

– Крис, замолчи! Нельзя так говорить о Правилах. Это запретные слова!

– Почему слова должны быть запретными? Это же только слова? И разве ты читала Правила?

– Нет, я не понимаю буквы. Но Правила и так все знают наизусть с детства.

– Да, разумеется! Лишь Докторши учат своих дочерей буквам – если те захотят. Мама Энн знала буквы, и Аня Чёрная знает, и Тина. А ты? Ты ведь тоже могла выучить буквы. Почему не захотела? Я бы не отказался, но я не девочка, а охотникам буквы не нужны.

Джула попятилась к двери.

– Зачем мне буквы? Я не собираюсь быть Докторшей. И охотникам это, в самом деле, не нужно. Они должны уметь...

– Не желаю больше быть охотником!

– Кем же ещё может стать мужчина?

Крис замер, остановленный таким простым вопросом. Быть мужчиной это ведь и означает быть мужем, отцом, охотником? Нет, не означает!

– Я стану Странником и разберусь со всеми этими «сказками».

Зелёный Холм он покинул на рассвете. Прощаться ни с кем не стал, прихватил сумку, оружие и зашагал вниз по тропе. По пути наполнил флягу водой из родника, перебрался через реку, а дальше – прямо на восток, навстречу поднимающемуся из-за горизонта солнцу.

Первую ночь Крис провёл в Орешниках. Здесь всё напоминало дом. Такой же лес вокруг, знакомые лица. Местные охотники летом частенько заходили в Зелёный Холм по-соседски, здешние парни не раз брали в жёны Крисовых односельчанок. Известие о том, что путник, постучавший в дверь поздно вечером, не заплутавший в лесах сосед-охотник, а бездомный бродяга, орешниковского Старосту не обрадовало. Переночевать в Ратуше он позволил, но предупредил, чтобы утром тот топал своей дорогой, не задерживался. Мало ли, чем провинился парнишка? С изгоем лучше не связываться.

Крис и не собирался задерживаться. На сердце было мутно, в голове каша вместо мыслей. Он сказал Джуле, что собирается стать Странником, но вовсе не оттого, что решил это окончательно и бесповоротно. Слово вырвалось само собой в ответ на вопрос сестры. По правде, ему пока хотелось никого не видеть, никого не слышать, не думать. И бежать, куда глаза глядят. Глаза глядели на восток. Там над лесом синели вершины таинственных гор, там, наверное, был совсем другой мир, не похожий на обрыдлую, прописанную в заученных наизусть, но нечитанных Правилах жизнь. Именно там стоял сказочный Город Древних, там жил человек, называющий себя Странником.

Никто из охотников Зелёного Холма, Каменобродья, Орешников, Грибной Поляны Странника не встречал. Для детей тот вообще был частью сказки о Древних. Но прошлой осенью Крис познакомился с парнем из затерявшихся на самой восточной окраине леса Опушек. И вот он-то видел Странника собственными глазами. Каждый год Странник приходил в их посёлок. В непонятной одежде, с морщинистым лицом и редкими белыми волосами, не похожий ни на кого из живших в лесу и на Реке людей. Странник приносил сумку вещей из Города Древних и раздавал всем желающим. Не обменивал, раздавал! А мужчины из бедных на охоту Опушек разносили вещи Древних по всему миру, выменивали на шкуры, вяленую рыбу, сушёные грибы и ягоды.

Чаще всего вещи Древних были понятны: железо, чёрный камень, женские украшения. Но иногда Странник приносил необычное. Он пытался объяснить, для чего Древние сделали вещь, и тогда глаза его начинали блестеть, как у больного лихорадкой. Торговцы терпеливо слушали, вещи брали, но оставляли жёнам. Не пристало мужчинам пересказывать сказки, пусть женщины сочиняют их, сидя дома у очага, рассказывают дочерям, а те разнесут по всему миру, когда вырастут и уйдут выбирать мужей.

Крис шёл в Опушки искать Странника. Другого пути для него не было.

На второй день после полудня местность вокруг начала меняться. Лес стал заметно ниже и реже, чернолисты всё чаще уступали место зарослям злобника, тянущего свои шипы к тропинке. Следы прошедшего ночью дождя, хорошо заметные в окрестностях Орешников, исчезли, земля под ногами теперь была сухой. А потом сквозь кроны деревьев Крис увидел горы.

Старосту Предхолмья мало заботило, что Крис бродяга. Может, из-за того, что край этот и заселили полсотни лет назад такие же изгои. Или из-за того, что женой его и поселковой Докторшей была Крисова старшая сестра Лиз. Какова бы ни была причина, но не успел Крис расположиться на ночлег, развязать сумку с пожитками, как в Ратушу потянулись сельчане – охотники, женщины, детвора. Притащили снедь, принялись угощать взамен на рассказ о новостях большого мира. Для предхолмовцев всё, что лежало далее, чем в дне пути на запад, было «большим миром». Согласившись на уговоры сестры, Крис сделал здесь остановку на сутки. Впереди лежала трудная долгая дорога по непривычным местам.

От Предхолмья пути на восток не было. Здешние охотники рассказали, что лес за посёлком упирался в скалистую гряду холмов, тянущуюся до самых гор, а Опушки находились по другую её сторону. Чтобы попасть туда, следовало свернуть на юг, к перевалу. Где-то за ним пролегал троп, ведущая от Свежего Ручья к Опушкам.

Спустя сутки отдохнувший, прибодрённый тем, что, оказывается, есть места, где готовы принять любого бродягу, Крис простился с сестрой, с её односельчанами и вновь отправился в путь. Впереди лежал неизвестный, но отнюдь не сказочный край.

Вскоре тропа заметно пошла вверх. Подъём был непривычно долгим. Лес вокруг поредел, затем и вовсе оказался внизу. На открытом месте летнее солнце палило нещадно. То ли от этого, то ли от долгого подъёма Крису начало не хватать воздуха, пришлось привал устроить раньше полудня. Он улёгся в тени маленькой корявой трещотки, больше похожей на куст, чем на дерево, и лишь тогда смог отдышаться. После привала идти стало ещё труднее. Тропинка петляла между зарослями злобника, каменными осыпями, торчащими из земли бурыми зубьями скал. И всё время шла вверх. На такую высоту Крису не приходилось взбираться. Куда там их Зелёному Холму! Что если это и есть горы? И Город Древних где-то рядом?

На перевал он вышел, когда солнце повернуло к западу. Под конец брёл, не в силах поднять глаза, только успевал смахивать пот с лица. И вдруг подъём закончился, каменистый склон впереди исчез. Крис огляделся вокруг и обомлел от захватившей дух картины.

Нет, это были пока не горы. Каменная гряда походила на огромное ребро, выпирающее из зелёного тела леса. По одну сторону, на севере, лежала большая равнина, постепенно понижающаяся к западу. И похожая на неё равнина лежала на юге, там, куда вела бегущая с перевала тропа. Крис попытался представить виденную сотни раз карту. Значит так: позади него – Предхолмье, за ним – Сквозняки, Глиняная Долина, весь северо-восточный угол лесного края. Ещё дальше к северу – нехоженые леса. Блестящая ниточка впереди – это наверняка Свежий ручей, бегущий от Опушек до самой Реки. А за холмами на западном горизонте должны быть Крикуны – самый большой из посёлков. Представилось, что он стоит на краю огромного блюда, заполненного зеленью. Весь лесной край занимает малую часть восточной кромки этого блюда. Речной, выходит, южной. А на дне блюда...

Несмотря на жару, по коже у Криса пробежал озноб. На дне блюда лежали Запретные Озёра. Оттуда расплзался туман, оттуда приходили хоки. И та хока пришла оттуда. «Ты услышал меня?» Воспоминание о встрече на болоте заставило ещё раз передёрнуть плечами. Нет, не врал Берт Безголовый, хоки, и вправду, походили на людей. Крис понял внезапно – не из-за смерти Риты он отправился к Страннику, тем более, не из-за гибели Тэда. Ему в самом деле требовалось найти оружие Древних и пробиться на Запретные Озёра. Зачем? Этого он пока не знал.

С перевала спускаться оказалось легче – вниз не вверх. Да и солнце клонилось к горизонту, жара неохотно спадала. Когда опять сомкнулись кроны деревьев над головой, Крис понял, что давно вечер. И что ночевать придётся в незнакомом лесу, в одиночку. Ничего хорошего такая ночёвка не сулила, он подумывал, не вернуться ли назад, к перевалу, – вряд ли какой хищник мог обитать там, среди камней и колючих зарослей. Возможно, так бы и поступил. Но тут тропа сделала очередной поворот и ткнулась в развилку. Неожиданно обустроенную развилку, с шалашом, аккуратно обложенной камешками криницей и маленьким очагом. Должно быть, торговцы с Опушек часто делали привал в этом месте. Очаг Крис топить не стал, развёл костёр у входа в шалаш – чтобы никакая тварь не полезла, – расстелил пончо и лёг спать.

В Предхолмье казалось, что от развилки до Опушек рукой подать, потому утром Крис не спешил. Поспал дольше, хорошенько перекусил, неторопливо умылся. Но оказалось, идти предстоит ещё долго. Лишь когда солнце поднялось в зенит, тропа вывела его к берегу Свежего ручья. Здесь, в верховьях, он точно был ручьём, совсем как родной Каменец. Но лес выглядел другим. Чернолисты сделались какими-то маленькими, невзрачными, с крученными-перекрученными ветвями, редкой, пожухлой листвой. Не чернолисты, а сухолисты. Трещотки были им под стать – жалкие кустики, не выше человеческого роста. Теплолюбивых маслин, вопреки ожиданию, не было вовсе. Несколько раз встретились кислички, но, сорвав и надкусив плод, Крис тут же с отвращением выплюнул. На полянах вместо высокой шелковистой мальки стелился сплошным ковром злобник. Вдоль ручья – ни камышника, ни лапника, только голый глинистый берег. Нет, этот лес Крису не нравился.

В Опушки он добрался вечером. Когда увидел посёлок, растерялся. Знал – это именно то, что он ищет, другого человеческого жилья в здешних местах нет. Но не верилось. Всего посёлка – полтора десятка хилых домишек, сложенных не из брёвен даже, а из каких-то жердей. Который хоть Ратуша?

Из крайнего домика вышел парнишка лет одиннадцати-двенадцати. Увидел путника и остановился, удивлённо разглядывая. Крис подошёл ближе.

– Доброго вечера! Это и есть Опушки?

– Ну да.

– А где у вас Ратуша?

– Чего? Нет у нас такого.

– Нет? Где же у вас охотники на Совет собираются? Где путники на ночёвку останавливаются? Где зимой дежурные сидят?

Парень заморгал, не понимая, о чём речь.

– Какие путники? Не ходит к нам никто. А ты откуда взялся?

– Я из Зелёного Холма.

– Это где? За Свежим Ручьём? Там, где Крикуны?

– Дальше.

– Ого. А зачем ты к нам пришёл?

– Я Странника ищу.

Взгляд паренька стал подозрительным. Он даже отступил на пару шагов.

– Зачем тебе Странник?

Крис хотел было объяснить, но передумал. С чего это он должен перед каким-то сопляком отчитываться?

– А зачем тебе знать? Мал ещё. Староста у вас есть хоть?

Мальчишка недовольно надул губы.

– Староста есть. Пошли, отведу.

Дома стояли в одну линию, заблудиться негде. Но паренёк довёл Крису к самому порогу. Оглядываясь к тому же, словно неожиданный пришелец мог исчезнуть. Староста, невысокий редковолосый мужичок с хитро бегающими маленькими глазками, рассказ гостя слушал внимательно, кивал то и дело. Непонятно, соглашался или показывал, что именно это и ожидал услышать. Спросил то же, что и парнишка:

– Зачем тебе Странник?

– Поговорить с ним хочу. Расспросить о Городе Древних.

– За железом пришёл, да? Или за чёрным камнем? Хочешь торговцем стать? Нельзя, Странник только нам вещи Древних приносит. Я понимаю, всем хочется больше железа заполучить. Но и ты пойми – у нас места бедные, сухие. Благодаря Страннику держимся. А не будет Опушек, захочет ли он дальше на запад идти? Потому и торгуем, а не из жадности, как все думают.

Крис кивнул, соглашаясь. Не ему судить, правду говорит Староста или лукавит. Пояснил:

– Я не за товаром пришёл. Мне поговорить надо.

Староста помолчал. Видно, прикидывал, верить его словам или нет. Снова заговорил:

– Что ж, может и правда, не товар ты ищешь, а хочешь послушать, что Странник рассказывает. Только опоздал ты, парень. Он весной к нам приходит, раз в год. А ныне уже лето за середину перевалило, торговцы с вещами Древних по всему миру разбрелись. Мы ведь не знаем, где Странник живёт. Он не говорит, а мы не спрашиваем.

– Что же получается, его и найти невозможно? – Крис недоверчиво уставился на Старосту.

– Никак невозможно. Приходи будущей весной, тогда и поговоришь с ним.

– Как весной? А сейчас что мне делать?

– Домой, парень, возвращайся. Да, тебя же выгнали... Так ступай в Предхолмье! Они там бродяг привечают.

Слова Старосты будто по голове камнем ударили. Все мысли были то ли в Городе Древних, то ли на Запретных Озёрах. А путь туда прервался, не начавшись, считай. Следующая весна, это вон когда! До неё дожить нужно.

Но нечего не поделаешь. Крис поднялся, шагнул к двери. Вспомнив, что ночь на дворе, оглянулся.

– Переночевать хоть где у вас можно? Мальчишка сказал, здесь и Ратуши нет?

– Нет Ратуши, без надобности она нам. А где тебе на ночь остановиться... – Староста задумчиво почесал затылок. – Что тебе посоветовать? Разве вот... До осени в посёлке из муж-

чин я да Марк Хромой остались. В других домах женщины сами время коротают, скучают. Пройдись, постучи – глядишь, какая и пустит на ночёвку. Ась?

Крис недоверчиво покосился на него. Обычая оставаться на ночь с чужой женщиной, когда мужа нет в доме, у лесного народа не водилось. Если и блудил кто, то тайком, в лесу, а не в семейной постели. Но Опушки есть Опушки, здесь всё не как у людей. Крис пожал плечами и возмущаться не стал.

Пока он был у Старосты, сумерки сгустились. Домишки над ручьём стояли тёмные, чужие. Крис прошёл посёлок из края в край, раздумывая, в какой проситься. В одном окошке мерцал огонёк. Была, не была! Он решительно поднялся на крыльцо, постучал в дверь.

– Заходи! – донеслось изнутри.

В свете лучины Крис разглядел хозяйку. Молодая женщина сидела на топчане, кормила грудью ребёнка.

– Доброго вечера.

– Доброй ночи уже. А ты кто?

– Я Крис.

– Какой-такой Крис? Откуда ты взялся? У нас никаких Крисов не водится.

В голосе женщины слышалась насмешка, но вполне добродушная. Вздохнув, он вновь принялся объяснять, откуда пришёл и зачем. Когда упомянул Зелёный Холм, женщина переспросила удивлённо. И разглядывать его начала внимательней.

Закончив рассказ, Крис неуверенно поинтересовался:

– Так что, мне уходить?

– Почему же? – Показалось, что хозяйка улыбнулась. Впрочем, в доме было слишком темно, чтобы говорить об этом с уверенностью. – Можешь остаться. Меня Грейс зовут. Да ты не стой в дверях, за стол присаживайся. Сейчас ужин накрою, только закончу маленького кормить.

Судя по выставленному угощению, жили в Опушках не бедно, чтобы там Староста ни рассказывал. Пришлось съесть и грибной суп, и жирную, тающую во рту рыбу, и засушенные медовки. Вдобавок ко всему хозяйка нацедила кружку весьма недурного жуса. В конце концов Крис взмолился о пощаде – живот грозил превратиться в туго натянутый барабан.

– Вот и славно. Покушал – ложись спать. – Женщина махнула рукой на топчан. – Прощлую ночь где провёл? В лесу небось?

– Ага.

Он неуверенно перебрался на ложе. Подстилка, сшитая из мягких шкурок слепышей, так и звала прилечь.

– Ложись, ложись! Раздевайся, чего на меня косишься?

Крис смущённо развязал килт, забрался под одеяло. Что, теперь и ночёвку, и сытный ужин отработать нужно будет? Чем он тогда лучше Риты?

Грейс убрала остатки ужина, погасила лучину. Скрипнул топчан, дёрнулось одеяло, нога женщины прикоснулась к ноге Криса. Он замер. Решил – пусть делает, что хочет. Отталкивать её он не станет, раз здесь обычаи такие, но первым не начнёт. Хозяйка долго ворочалась под одеялом, переворачивалась с боку на бок. То и дело задевала плечо, руку, ногу. Может, случайно, а может – намеренно. Но молчала и ласкать не пыталась. Крис лежал, сжавшись, ждал. Но потом усталость, сытная еда, жус, мягкая постель пересилили, и он сам не заметил, как заснул.

– Вставай, лежебока! Солнце уже высоко, завтрак на столе давно, а ты спишь!

Крис открыл глаза, сладко потянулся. И опомнившись, быстро прикрылся отброшенным в ноги одеялом. Женщина засмеялась.

– Поздно прятать, я всё видела!

Она возилась возле стола, и при свете дня Крис её разглядел. Среднего роста, ровесница Милы или чуть моложе. Симпатичная. Фигурка ладная, крепенькая, светлые волосы в кудряшках, ямочки на щеках. Кого-то она очень сильно Крису напоминала.

– Одевайся, умывайся и бегом за стол!

Завтрак был такой же богатый, как и ужин, разве что без жуса. И длился он дольше, потому что Грейс приставала с расспросами.

– Да, далеко ты забрался! – заключила она под конец.

– Неа. Знаешь, лесной край гораздо меньше, чем я думал. А ты где родилась?

– Я здешняя. Мне в Опушках интересно, потому и не захотела никуда уходить. А вот мама моя – твоя землячка. Я на неё похожа, кстати. Её Тиной звали. Тина Кудрявая, не слышал?

– Тина Кудрявая из Зелёного Холма? Старшую сестру моего отца так звали. – Крис наконец сообразил, на кого похожа Грейс. На его собственное отражение, только в женском облике! – Получается, ты моя дальняя сестра?

– Я ещё вчера, когда тебя увидела и услышала, откуда ты пришёл, догадалась, что ты мой родич. Потому и ночевать оставила. А ты думал, я поблудить захотела? Нет, если бы ты любиться попробовал, я бы не отказала. Скучно же столько месяцев без мужа. А ты сладенько выглядишь, особенно под утро. – Она засмеялась и потрепала покрасневшего Крису по кудрявой, точь-в-точь как у неё самой, голове. – Так куда ты дальше идти собираешься?

– Дальше? Так дальше некуда, вы и так край света. Вернись к Лиз в Предхолмье, поживу там до следующей весны.

– А я думала, ты хотел поскорее Странника найти.

– Как же я его найду, если даже ваш Староста не знает, где искать!

Грейс загадочно улыбнулась.

– Староста не знает. Он сказки слушать не умеет. Помнишь, я тебе говорила, что мне и здесь интересно? Нет другого места в мире такого, как Опушки, – сюда Странник приходит. А я с детства любила его сказки слушать.

Она заговорщицки подмигнула. Встала и, покопавшись на полке, протянула Крису камешек. Камешек был необычный. Плоский, правильной круглой формы, с утолщением в середине. Мало того, что прозрачный, так ещё и полый. Внутри камешка дрожала красно-синяя щепка.

– Вещь Древних, – уверенно заявил Крис. – Красивая игрушка.

– Не игрушка. Гляди.

Грейс повела рукой с зажатым в ней камешком из стороны в сторону. Щепочка внутри упрямо показывала на угол дома.

– Ух ты!

– Странник говорил, синий шип всегда на север показывает, а красный – на юг. С этой штукой в любом месте можно направление определить. Ни солнце не требуется, ни луны, ни звёзды. Мне девять лет было, когда он мне её подарил. Я спросила, как он дорогу в Опушки находит, ведь за ручьём тропинок нет? А он посмеялся и дал мне эту штуку. Древние её называли «компас». Смотри внимательно. – Грейс показала на маленькие риски вдоль ребра камешка. – Компас нужно держать так, чтобы синий шип указывал на вот эту большую отметину. Тогда эта маленькая будет указывать на Опушки, если идти от дома Странника. Видишь, он её специально пометил. Понял, как его найти?

– Неа.

– Что ж ты такой несообразительный! Чтобы идти в обратную сторону, смотри по этой отметине. – Она провела ногтем через середину камешка и упёрла его в одну из рисок. – Иди по ней и никогда не заблудишься. Это мой тебе подарок.

– Так легко? – Крис недоверчиво взглянул на неё. – А ты ходила к Страннику?

Грейс удручённо вздохнула.

– Нет. Если бы я мальчишкой родилась, как ты... Да не в том дело, смелости не хватало в детстве. А сейчас у меня двое маленьких, их кормить надо, нянчить. Куда я пойду? Так что остаётся сказки слушать и другим передавать. Как знать, может и ты ещё зайдёшь, расскажешь о Городе Древних?

Идти по компасу оказалось не так-то легко, как представлялось. Когда держишь его перед глазами – всё понятно. Но как тогда под ноги и по сторонам смотреть? Приходится компас в сумку прятать. Однако когда достаёшь его снова и начинаешь с риской сверяться, выясняется, что показывает она совсем не туда, куда идёшь.

В конце концов Крис приспособился. Выбирал по компасу заметное дерево впереди, шёл к нему, опять выбирал. Но продвижение от этого сильно замедлилась. А к концу дня и того хуже стало – лес вокруг всё больше и больше напоминал заросли злобника. Рассудив, что в таком лесу и дров для костра не насобирать, он устроился на привал засветло. Ночевать в одиночку в незнакомом месте было боязно, но Грейс уверяла, что за ручьём опасаться нечего. Зверья почти нет, значит, нет и поживы для ленточников. Другие хищники в этих местах и вовсе не водились. Во всяком случае, прожив в Опушках все свои девятнадцать лет, она их ни разу не видела.

На второй день дорога сделалась ещё труднее. Как уж там Странник путешествовал, непонятно, но у Криса риска каждый раз показывала на самые густые заросли. Он даже засомневался, уж не ошиблась ли Грейс? Что если компас обманывает, водит по кругу? А потом сообразил, что давно начался подъём, оттого и идти тяжелее.

К концу дня лес поредел, и Крис вновь увидел горы. Они были не туманно-голубые, как привык их видеть с макушки Зелёного Холма, а рыжевато-бурые, с выпирающими там и сям голыми остовами скал. И высокие! Какие же они высокие...

Казалось, что горы рядом, рукой подать. Но день миновал, за ним и следующий, а Крис всё шёл и шёл, поднимаясь по склону к их подножью. Лес остался позади, сменившись сначала кустарником, затем степью, поросшей редкой жёлтой травой. Он видел такую однажды – по ту сторону Длинного Озера. Но та степь убегала за горизонт, а эта упиралась в каменную стену.

Крис шёл и шёл, а стена перед ним росла и росла. Она заслонила половину небосвода, и было жутко от мысли, что эта громада рухнет прямо на голову. Крис почти примирился с мыслью, что дальняя сестра из Опушек ошиблась, и прозрачный камешек Древних – всего лишь игрушка. Что он никогда не отыщет в этом жутком каменном краю Странника и давно пора поворачивать назад, прочь от нависающей над головой громады, под защиту привычного леса. Но тут степь перед ним выгнулась горбом и открыла взору узкую глубокую лощину. Дальним своим краем та упиралась в отвесную скалу и небольшой водопад, срывающийся в окружённое деревьями озерцо. Ближе к устью лощины виднелся маленький огород и сложенный из камня домик.

Это было так неожиданно, что Крис замер столбом. Затем бросился вперёд чуть ли не бегом – на пороге дома сидел человек в блестящей одежде. Странник!

– Доброго дня! – закричал он издалека, страшась, что и дом, и человек развеются знойной марой. – Я Крис из Зелёного Холма! Возьми меня с собой в Город Древних!

Человек продолжал сидеть неподвижно, смотрел на бегущего к нему юношу. Выглядел он именно так, как описывали люди из Опушек: морщинистое лицо, белые редкие волосы. Человек был очень стар, лет ему исполнилось, наверное, сорок... или пятьдесят!

– Ну здравствуй, Крис из Зелёного Холма. Присаживайся, отдохни с дороги. Устал, должно быть?

– Устал, – честно признался Крис и плюхнулся на тёплый, прогретый солнцем камень. Выудил из сумки флягу, опрокинул в рот, выливая содержимое до капли. Берёт воду последние два дня, а теперь уж чего? Вон её сколько, полное озеро!

Странник улыбнулся, наблюдая за ним.

– Вот я тебя и дождался.

Крис так и застыл с пустой флягой в руке. Оторопело посмотрел на старика.

– Откуда ты знал, что я приду?

– Не обязательно ты. Я ждал парня, который придёт ко мне, – пояснил тот. И помолчав, спросил: – Что ты хочешь найти в Городе?

Крис ответил не сразу, только плечом дёрнул. Шёл к Страннику, а о чём будет говорить с ним, не придумал. Казалось, главное – увидеть этого таинственного человека. Увидел. Что дальше? Не рассказывать же о том, что замыслил найти хоку на Запретных Озёрах. Хок не ищут, они сами приходят. Всегда и за всеми.

Наконец он выдавил нехотя:

– Нужно мне туда. Обязательно.

– Хочешь добыть много плавкого камня и железа? – подсказал Странник в точности, как староста из Опушек. Ещё подумает, что пришелец торговцем стать замыслил!

– Нет. – Крис решил: – Мне нужен огненный лук как у Вика-Освободителя. Ты не находил такой?

– Огненный лук? – озадаченно переспросил Странник. – Я не знаю, как он выглядит. Впрочем, в Городе много чего найти можно. Зачем тебе такое грозное оружие?

– Я на Запретные Озёра пойду. Хочу посмотреть, что там делается. Разобраться, почему после Вика туда никто не ходил.

Старик посмотрел уважительно.

– Да, достойная цель, ради неё стоит идти в Город Древних. Дорогу я покажу. А прине-сёшь ты оттуда огненный лук или что-то другое... – Взмахом руки он остановил радостно вскочившего Криса. – Постой, постой! Чтобы попасть в Город тебе понадобится кожа. У тебя есть с собой кожа? Хорошая, новая, чтобы много дней носить без опаски.

Это было как удар. Радость исчезла мгновенно. И силы, все их остатки, не растроченные на дорогу. Усталость, накопленная за дни путешествия, упала разом на плечи. Крис грузно сел.

– У меня нет кожи, – пробормотал.

– Понимаешь, человеку не хватит сил забраться на эти скалы, – словно оправдываясь, пояснил Странник, – надо, чтобы кожа помогала.

Крис невольно взглянул на громоздящиеся чуть ли не над самыми их головами каменные кручи. Город Древних находится там, наверху?! Тогда, и впрямь, не хватит сил...

Должно быть, выглядел он таким удручённым и беспомощным, что старик даже крякнул.

– Что ты так опечалился, парень? Подумаешь, нет у тебя сегодня кожи. Так и я не завтра в Город отправляюсь. Я слышал, в лесном краю можно новую кожу добыть или выменять? А у меня плавкого камня много припасено. Бери, сколько требуется для обмена. А, парень?

Крис поднял голову. Встретился взглядом со светло-серыми, будто выцветшими, но не утратившими юный блеск глазами Странника. В самом деле, что это он раскис, как маленький? Ещё бы расплакался! Разумеется, он добудет себе кожу. Один раз не получилось, но теперь-то он не отступит! Теперь у него есть настоящая цель.

Глава 6. Хока

Стоял тёплый сухой вечер второй декады лютайра, когда Крис вновь постучал в дверь Охотника. Почти месяц он гостил у Странника, а оказалось – пару дней. Как много он успел узнать за это время, – и как мало! Месяца хватило старику, чтобы передать все знания, собранные по крупицам за долгую жизнь. Всего месяца.

– Заходи!

Женский голос, долетевший из глубины дома, прервал размышления. Принадлежал он не Беянке, но всё равно был очень знакомым. Крис потянул на себя дверь, заглянул внутрь.

– Крис? Вот так гость!

Выглянувшая из задней комнаты девушка улыбнулась, шагнула навстречу. Крис удивлённо замер на пороге, уставился на сестру.

– Тина?! Ты что тут делаешь?

– Живу. Скоро месяц, как Охотник меня в жёны взял.

Это было неожиданностью. Крис не удивился, что увидел здесь новую женщину – год, отведённый для Салли, закончился. Но Тина!?

Поняв его замешательство, сестра сама подошла, помогла снять с плеча большую тяжёлую сумку, – «Ты что, камней туда наложил?», – схватила за руку, потянула в дом. Судя по всему, чувствовала она себя тут полновластной хозяйкой.

– Ты к Охотнику пришёл? Его дома нет. Да ты проходи, проходи! Ты мой первый гость.

Замужество пошло ей на пользу, сейчас она не казалась такой мрачной, как обычно. Может, обрадовалась, увидев брата? Хлопотала вокруг него с удовольствием. Помогла умыться, усадила за стол, загремела посудой, спеша накормить ужином.

Снедь в доме Охотника была, на удивление, скудной. Куда там до Опушек! Даже у Странника, довольствовавшегося урожаем собственного огорода, пища была разнообразнее. А ведь жадности за Тиной не водилось, наверняка угощала брата лучшим, что было в доме – гороховой похлёбкой с варёными репчатками. Зато этого насыпала полную миску.

Какое-то время они ели молча. Когда Крис отодвинул в сторону лишь наполовину опустошённую посуду, сестра виновато вздохнула.

– Не вкусно, да? Охотник говорит, что я себя голодом уморю.

– Себя? А его?

– Ему всё равно, что есть. Хотя после Беянки моя стряпня отравой кажется.

– Что, Салли в посёлок ушла? Или к себе в Запруды?

– Нет.

Крис быстро взглянул на Тину. Один ответ на два вопроса? Она взгляд поняла, пожалала плечами.

– Считай, что её больше нет. Зачем тебе об этом задумываться? В мире случается много непонятного. Так ведь?

– Наверное. Но ты моя сестра и я не хочу...

– Да брось ты! – Мгновенно Тина превратилась в прежнюю маленькую злюку. – Откуда ты знаешь, что для меня лучше? Этого даже мама Энн не знала, когда взялась меня выхаживать. Умирать вначале страшно, а потом – совсем нет! И не больно, наоборот, приятно. Я помню, как лежала на краю болота, проглоченная по самую шею, и было тепло и сладко. Больно стало, когда охотники нашли и вырезали из пузыря почти неживую. Больно и противно! Тебе не понять, ты же Красавчик. А на меня всегда смотрели с жалостью. А когда выросла – мужчины с отвращением, а женщины – ещё хуже, с притворным сочувствием! Они все уверены были, что меня никто и второй женой брать не захочет. А Охотник первой взял, вот! И пусть теперь делает со мной, что захочет. Я согласна!

Тина перевела дух. Улыбнулась растерянному молчащему брату. Перевела разговор на другое:

– Ладно, хватит об этом! Рассказывай, где ты слонялся? Напутешествовался, вернуться домой решил? Давно пора.

– Нет, я по делу пришёл. Хочу предложить Охотнику кое-что для обмена.

Он встал, подошёл к брошенной у двери сумке. Развязал её и вывалил на пол содержимое.

– Здесь чёрного камня на десять сотен стрел хватит, а то и больше.

– Ого! И что ты выменять хочешь?

– Скину.

Девушка удивлённо уставилась на него.

– Зачем она тебе? Речной давно нет в живых!

– Странник сказал, что без кожины в Город Древних попасть нельзя. А мне туда надо!

Тина покачала головой, с интересом разглядывая его. Будто увидела в нём что-то, чего раньше не замечала.

– Так ты в самом деле был у Странника? Да, ради такого Охотник согласится на обмен. Но он не скоро вернётся. Может, через декаду, может, через месяц. А ты уверен, что хочешь этого? Не лучше тебе в посёлок вернуться и жить как прежде? Забыть обо всех этих глупостях...

– Не лучше! – Крис насупился. – Всё равно меня выгнали из Зелёного Холма.

Сестра улыбнулась, насмешливо погрозила пальцем.

– Никто тебя не выгонял, ты сам ушёл, не дожидаясь, что Совет скажет. А Джула с Милой тебя выпросили. Так что можешь возвращаться к ним и жить в своё удовольствие. Милу не зря Солнышком кличут – с ней тепло и уютно. Любому, кто ей понравится. А ты ей нравишься. Да ещё наш Рыжок в придачу. Забудь ты эти «города древних», путешествия, а?

Крис вскочил, зло уставился на неё.

– Зачем ты мне это говоришь? Не хочешь, чтобы я Странником стал?

Девушка скривила губы.

– Я добра тебе желаю. Ты ведь не понимаешь, что затеял...

– Может, и не понимаю! Но всё равно сделаю.

Он шагнул к выходу. Уже в дверях оглянулся:

– Скажешь, когда вернётся Охотник, хорошо? Я подожду в посёлке.

– Шон, слазь с дерева, хватит нам кислиц на дорогу! А то сам сумку тащить будешь!

Крис улыбнулся невольно, глянул в сторону, откуда доносились голоса подростков. Год назад и они так же собирались в путь к Длинному Озеру. Год назад всё было просто и понятно.

Зелёный Холм выглядел как прежде, ничего здесь не изменилось за прошедший месяц. Только огороды стали жёлто-чёрными – хозяйки почти закончили убирать второй урожай репчатки. Идти через весь посёлок мимо дома Марика, мимо Ратуши не хотелось, потому Крис сделал круг вдоль опушки. Благо, уже вечерело, и никто не обращал внимания на одинокого путника, бредущего краем леса.

Странные чувства вызывал знакомый с детства вид взбегающих по склону строений, старой кислицы на макушке холма. Шестнадцать лет здесь была его родина, его дом. Здесь было всё, что он знал, любил, без чего не мыслил своего существования. Весь прочий мир казался чем-то далёким, похожим на сказки мамы Энн. Путешествие на Длинное Озеро ничего не изменило – это была ещё одна сказка, последний подарок детства перед началом взрослой жизни.

Сейчас Крис неожиданно оказался чужим. Не только в Зелёном Холме – везде, в любом краю знакомого ему мира. словно всё поменялось местами. Прежняя жизнь оказалась сказкой, и все друзья, знакомые, родичи остались в ней. А легенды, со Странником, Городом Древ-

них, хоками и Запретными Озёрами... они тоже пока что были сказками. Настоящей жизни не существовало, лишь он, путник, одиноко бредущий порубежьем этих двух сказок... Куда?

Крис поправил лук за плечом, провёл рукой по висевшему на поясе ножу. Как будто старался убедить себя, что не спит. Упрямо тряхнул головой. Дайте срок, и он во всём разберётся, поймёт, что сказка, а что быть. Обязательно разыщет истину, он сможет!

Зелёный Холм развернулся своей западной стороной. Вон и покосившаяся хижина на окраине видна, бывший их с Ритой дом. Крис вздохнул и свернул на узенькую дорожку, бегущую между квадратами огородов. Их участок не пустовал – какая-то женщина выбирала из земли репчатку. Он невольно скользнул взглядом по тугим бёдрам, обтянутым юбкой. Кто это? На Феру не похожа. Женщина выпрямилась, оглянулась. Смахнула с лица жёлто-песочную прядь, прикрылась ладонью от светящего в лицо солнца. Замерла, изумлённо приоткрыв рот. И Крис сбился с шага от неожиданности. Мила.

– Доброго вечера, – пробормотал.

– Доброго... Крис, ты вернулся?!

– Я... я ненадолго, по делу.

Подходящее объяснение не лезло в голову. Он шёл в посёлок, потому что требовалось дожидаться возвращения Охотника, где-то жить эти дни. Если бы можно было не видеть никого, или хотя бы ничего не объяснять! Крис понимал, что в той, прежней жизни, где остались Мила и прочие зелёнохолмовцы, этого не получится. Но придумать что-либо не успел. Потому отвернулся, быстро, почти бегом пошёл в свой дом.

Здесь мало что изменилось. Разве что выветрился запах человеческого жилья, уступив место сырой затхлости. Следовало разжечь очаг, чтобы жар и дымок убили плесень в углах, вернули тепло и уют. Но с этим можно повременить. Парень опустился на топчан, где всё так же лежал у изголовья глянцевого зеленоватый лоскут. Всё, что осталось в этом мире от весёлой красивой девушки Риты.

В дверь постучали. Не ожидая ответа, Мила заглянула внутрь.

– К тебе можно?

Крис пожал плечами.

– Заходи.

Она тихонько затворила дверь, подошла, постояла рядом. Поняв, что приглашения не будет, несмело опустилась на край.

– Зря ты уходил. Совет позволил тебе остаться в посёлке.

– Я знаю, Тина сказала. И за это я должен стать для вас с Джулой мужем.

– Ты не хочешь? – Мила вскинула брови. – Даже теперь, когда Риты нет? Ты всё ещё тоскуешь по ней?

– Просто жалею, что привёл её сюда. Из-за этого она погибла.

– Крис, никто не знает свою судьбу.

– Ты права, судьбу никто не знает. – Он решительно сунул под топчан юбку из шкуры головача. – Правило только одно – все, кто родились, должны умереть.

Мила подвинулась ближе. Робко провела пальцами по его руке. От плеча – вниз, до самой кисти.

– Ты думаешь какие-то страшные мысли. Не нужно. В жизни много хорошего. – Её рука мягко коснулась груди Криса. – Помнишь, как мы ходили к заводу? Ровно год назад это было. Мне очень понравилось тогда. Тебе ведь тоже, правда?

Крис не ответил. Рука женщины всё настойчивее гладила его тело, опускаясь ниже, подбираясь к завязкам килта. Солнышко умела быть ласковой.

– Что такое? Ты не хочешь меня? – Рука Милы остановилась.

Он усмехнулся невольно такому вопросу. Его тело хотело любиться с телом этой женщины. Но ведь его тело – это ещё не он сам? Мысль была странной. Раньше она никогда не приходила в голову.

– Я не знаю. Должно быть, мне хочется любиться с тобой. Но это будет обман. Я не возьму тебя в жёны.

– Почему?! – Мила смотрела, не понимая. – Разве я плохая хозяйка? Разве я не красивая? Не сумею хорошо ухаживать за тобой? Что ещё требуется мужчине? Что я не смогу сделать лучше, чем Речная? Ты ведь звал меня второй женой год назад! Что изменилось?

– Я изменился.

– Ты? Тебе больше не нравятся женщины? Ты заболел?

Крис скривился раздражённо.

– Нет, я здоров. Но я сам ещё ничего не знаю. Мне надо не это!

Мила убрала руку.

– Я не понимаю. Должно быть, я слишком глупая, чтобы понять. Но ты прав, я не могу дать тебе то, чего ты сам не знаешь.

Она встала. Шагнула к двери, затем оглянулась.

– Если передумаешь – приходи, мы с Джулой ждём тебя. В нашем доме уютней, чем здесь. Теплей и веселей.

Мысль о том, что его тело и он сам – не одно и то же, неожиданно возникнув, не отпустила. Ничего похожего не было ни в Правилах, ни в сказках мамы Энн и Странника. Крису пришлось думать эту мысль самому, ворочать её из стороны в сторону, пытаясь примерить к себе. Он был мужчиной, охотником, жителем лесного края. Но ведь это тело делало его тем, кто он есть! А если бы оно изменилось? Если бы оно было другим... Дальше мысль не шла. Крис не мог представить себя кем-то другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.